

★ ВЕЛИЧЬЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

СПЕЦНАЗ НЕ СДАЕТСЯ

Михаил Нестеров

Спецназ не сдаётся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127896

Михаил Нестеров. Спецназ не сдаётся: ЭКСМО; Москва; 2007

ISBN 5-699-06006-5, 5-699-12772-0

Аннотация

Служили два товарища в одном «Граните» – отряде боевых пловцов спецназа ГРУ. Лейтенант Сергей Перминов и капитан Яков Моравец дружили с детства, и Сергей всегда был уверен, что друг не подведет никогда. Но во время боевой операции на Каспии после взрыва на пароме с международными террористами на борту Моравец исчез в морской пучине. А вскоре Перминов получил информацию, что его друг в этой операции преследовал свой корыстный интерес. И тогда он решился на еще более рискованную авантюру...

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	62
Глава 4	85
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Михаил Нестеров

Спецназ не сдаётся

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Автор выражает особую признательность еженедельникам «Независимое военное обозрение» и «Версия», газете «Известия»; авторам книг: «Люди-лягушки» – А.Е. Тарасу и В.В. Бешанову, «Враждебные воды» – Питеру Хухтхаузену, Игорю Курдину и Алану Райту, «Гибель парома «Эстония» – А.И. Постникову, «В море ходить необходимо» – Андрею Павлову, «Имя, талант, власть» – Борису Хигиру за использование их материалов в своей книге.

Cras ingens iterabimus aequor¹.
Рафаэль Сабатини

Часть 1

Трещина в «Граните»

Глава 1

Сообщения Турка

1

Москва, апрель 2003 года

Виталия Козырина разбудил телефонный звонок. Не открывая глаз, он откинул легкое одеяло и взял со столика трубку радиотелефона.

– Да, слушаю. Козырин. – Голос подполковника ФСБ в запасе прозвучал с заметной хрипотцой.

«Интересно, сколько сейчас – шесть, семь утра?» – задался Виталий вопросом. С трудом разлепив веки, он глянул на электронные часы, исходящие рубиновым светом.

«Ба!» – удивился он. 8.15. Обычно в это время он уже был на ногах. Чертова простуда и чертов антигриппин, остав-

шийся с осени. Наверняка в порошке, который он принял на ночь, было снотворное.

Подполковник сунул ноги в теплые шлепанцы, подошел к окну, распахнул плотные темные шторы и сощурился от первых лучей солнца. Виталий жил на улице Гашека, из окон его квартиры был виден шпиль гостиницы «Пекин», который в этот час венчала солнечная корона. Красиво. И закономерно, пришел к выводу Виталий, некогда встречавший утреннюю зарю в столице Поднебесной.

– Слушаю. Козырин, – повторил он в телефонную трубку.

Звонивший не представился. И не поздоровался. Когда намечался серьезный разговор, беседа этих людей намеренно была отвлеченной, порой бессмысленной, короткой, позаимствованной ими из какого-то американского фильма про шпионов – кажется, «Шпионские игры» с Робертом Рэдфордом в главной роли. Если начало не отличалось от предыдущего, то дела были серьезные и по сотовой линии они в этот день не общались.

– Ты что делаешь в восемь часов? – услышал Виталий слегка приглушенный голос своего агента.

– Вечером?

– Утром.

– Бегаю трусцой.

– Тогда добеги до своего факса и прочти сообщения. Я придержу информацию до обеда, потом отдам в разработку.

В трубке раздались короткие гудки.

Только сейчас подполковник сообразил, что звонок был из разведывательного управления Главного штаба ВМФ. Звонивший имел распространенную фамилию Петров и возглавлял отдел, занимающийся операциями на Ближнем Востоке. Виталий Козырин, будучи офицером Департамента контрразведки и некогда занимавший просторный кабинет на Лубянке, проверял деятельность этого человека, подозреваемого в связях с девицами легкого поведения. В течение лишь одного месяца он выявил четыре таких встречи, носившие «затяжной» характер. Офицеру военно-морской разведки, которому он позавидовал в известном плане, грозило увольнение со службы, а при определенных обстоятельствах – развод с женой.

После откровенного разговора с Николаем Петровым Виталий написал отчет, в котором представил сотрудника флотской разведки чуть ли не девственником, а материалы расследования спрятал в сейф. До поры до времени. И с той поры стал получать от военного разведчика служебные и секретные сведения.

Так Петров стал агентом подполковника ФСБ Козырина, и за информацию, которая интересовала контрразведку и лично Виталия, «двойник» получал деньги.

Виталий Николаевич подошел к факсу, из которого широким, в его представлении – коровьим, языком торчала теплая еще термобумага. Внезапно он переменял решение – сообщения подождут. Прежде всего нужно взбодриться чаш-

кой кофе и... Виталий зябко повел плечами... умыться холодной водой.

Поставив на плиту чайник, он прошел в ванную и глянул на свое отражение в зеркале: «Ну и рожа у тебя...» На него смотрел человек средних лет, с припухшим лицом и усами аля Вишнеvский. Как там у него – «Внезапно кончилась кровь»?

К факсу подполковник вернулся достаточно бодрым, но все еще с легким головокружением. Делая мелкие глотки кофе, он читал полученные от Петрова сообщения.

Сообщение Турка от «...» апреля 2003 г.

Петрову

Сведения, полученные в результате деятельности источников в регионе, сводятся к следующему:

1. Руководители международных террористических организаций (источниками называются ливанская «Асбат аль-Ансар» и палестинская Абу Нидаля) планируют провести встречу на морском пароме «Мавритания», приписанного к иранскому порту Энзели, в конце мая с.г. Ожидается, что на «саммите» будут решаться вопросы, касающиеся финансирования террористических организаций нефтяными шейхами Ирана и Саудовской Аравии.

2. Источники утверждают, что на «саммит» приглашен один из основных спонсоров террористов шейх Саудовской Аравии Абдель Али-Шариф. В дополнительной информации на Али-Шарифа содержится доказательная база о финансовой

поддержке шейхом Али-Шарифом чеченских незаконных вооруженных формирований. Цитата:

BANK DOUGLAS CREDIT, MEXICO, \$1 016 000 ARE TRANSFERRED ON ACCOUNT № 865759K17, RECEIVER FIRM OF ALAN KUSUEV «FKB ZARJA INTERPRISE» AND № 865759D17, RECEIVER FIRM OF BADRAN ILJASOV «BADR-JIL» \$1100 000 FOR BROKING FIRM «FKB ZARJA».

3. По неподтвержденным данным, на «саммит» приглашены российские правозащитники из так называемой «Стокгольмской группы», известные как защитники лидеров чеченских НВФ (источниками называются следующие лица: депутаты Государственной Думы РФ Юлий Адамович Гуревич и Александр Симонович Зиновьев). Источник утверждает, что для защиты прав своих клиентов им не хватает легальных источников финансирования и они ищут поддержки в «шейхорате» Ирана и Саудовской Аравии.

4. Есть основания полагать, что на «саммите» возможны обсуждения деталей готовящегося теракта. Как это происходило на встрече, организованной одним из руководителей «Аль-Кайды», где отшлифовывались детали теракта, совершенного в США 11 сентября 2001 года...

Козырин, не дочитав последнего пункта, впился глазами во второй, на первый взгляд, самый неразборчивый (в цитате – форма телеграммы – были опущены предлоги), в середи-

ну сообщения Турка. Турок являлся секретным агентом военно-морской разведки в Иране, его работу курировал Петров, входящий в число офицеров, лично подчиняющихся начальнику разведуправления Главного штаба ВМФ контр-адмиралу Бушуеву.

Английский Виталий понимал неплохо и в финансовых бумагах разобрался без труда – потому что сразу узнал «руку», водил ее и вникал в смысл с ходу:

Из банка Дуглас Кредит, Мехико, переведены 1 016 000 (один миллион шестнадцать тысяч) долларов на счет №865759K17, получатель фирма Алана КУСУЕВА, предприятие FKB ZARJA, а также 1 100 000 (один миллион сто тысяч) долларов на счет 865759D17, получатель фирма Бадрана Ильясова БАДР-ИЛЬ за посредничество с FKB ZARJA.

Второе сообщение Турка было на английском:

Turk...s message from «...» 04 year of 2003

To Petrov

Obtained information in result of agents... activity in the region, means next:

It is known that part of money had been transferred from account of Abdel Ali-Sharif (Islamic Bank of Dubai) on accounts of Bank Douglas Credit for \$ 600 000 000(six hundred million dollars). The account of Abdel Ali-Sharif was added in result from oil deals.

Перевод:

Сообщение Турка от «...» апреля 2003 г.

Петрову

Сведения, полученные в результате деятельности источников в регионе, сводятся к следующему:

Стало известно, что со счета Абделя Али-Шарифа (Islamic Bank Dubai) был сделан трансфертный перевод денежных средств в банк Дуглас Кредит в Мехико на сумму 600 000 000 (шестьсот миллионов) долларов. Счет был пополнен Абделем Али-Шарифом в результате нефтяных сделок.

Виталий пока не понимал, почему именно эти строки так остро привлекли его внимание. Но именно они станут ключом к многоходовой и рискованной операции.

Он был опытным контрразведчиком, неплохим аналитиком, умел читать между строк, видеть даже то, чего там не было. Но могло быть.

Подполковник связал сообщение Турка с деятельностью своего шефа – сенатора Алексея Александровича Воеводина, генерала КГБ в отставке, который возглавлял в Совете Федерации Комитет по госконтролю за органами внешней разведки. Сенатор был жестким человеком. Если его и интересовало чье-то мнение, то без ссылок на тех же аналитиков или прогнозистов. Так что с «универсала» Козырина спрос был двойной.

В голове Виталия начал вызревать план. Он мог бы называть это вдохновением; он черпал официальные и неофици-

циальные строки откуда-то «сверху», они тесно переплетались и с похожими словами из донесения секретного агента («легальные и нелегальные источники финансирования»), и с родственными определениями из полномочий органов внешней разведки: *«в процессе разведывательной деятельности органами ВР используются как гласные, так и негласные средства и методы».*

Окончательно это звучало так: для достижения цели все средства хороши.

Очень кстати Виталий вспомнил еще об одном донесении Турка, которое осталось без внимания, а сейчас все они связались воедино и представляли собой этакую бумажную кувалду. И голова, по которой ею можно заехать, уже приобрела знакомые черты.

Где же это донесение? Оно не представляло особой секретности, и скорее всего подполковник положил его в папку за... кажется, июнь или июль 2002 года.

Да, так и есть. В домашнем сейфе Виталий нашел папку и извлек из нее рядовое донесение Турка Петрову. Частенько агенты не добывают информацию, а берут ее из открытых источников – газет, журналов, Интернета (такая информация переваливает за 90 процентов). Главное – видимость работы. За это их не поощряют, но и не выговаривают – все так делают, даже в центральных аппаратах разведки.

Вот это сообщение.

Сообщение Турка от «28» июня 2002 г.

Петрову

Американской разведке стал известен факт финансирования нефтяными шейхами, в частности – из Катара и Бахрейна, морских боевых отрядов ХАМАСа и «Исламского джихада». Особое внимание ЦРУ привлекло наличие в них подразделений хорошо подготовленных боевых пловцов, обучение которых весьма сложное и не быстрое дело...²

Остальное неинтересно, важно лишь начало – все о том же финансировании нефтяными шейхами.

Отключив все телефоны и наплевав на то, что в это время его ждут на плановом совещании Комитета в Совете Федераций, подполковник ФСБ всего за пару часов набросал в голове план предстоящей операции. А она состоится – в этом Виталий был уверен на сто процентов. Он не забегал вперед, ему не придется долго убеждать сенатора, посвященного в пучину тайных спецопераций органов внешней разведки. Сенатор еще не перестал глушить шампанское ведрами, и слово «риск» для него было таким же привычным, как дорогое любимое пойло.

Тем более такие операции, созревшие сразу, словно по повелению свыше, принимаются без единой поправки и почти всегда имеют успех.

И все же Козырин слегка преувеличил свою значимость. На момент получения секретной информации от разведчи-

² Марк Штейнберг. «НВО», № 21, 2002 (28 июня – 4 июля 2002 г.).

ка Петрова у него имелся материал, чтобы «соединить несоединимое». И этого умения у него было не отнять.

Первое, что он сделал, – это встретился с Петровым у кинотеатра «Экран» и всеми правдами и неправдами уговорил агента придержать бумаги.

– На какой срок? – услышал Виталий недовольный вопрос Николая, полноватого человека лет сорока, с венчиком седоватых волос вокруг лысины. Совсем недавно он скрывал ее, зачесывая волосы от уха до уха, но неожиданно сменил имидж. На юго-восток Москвы он приехал на сером «Рено».

На какой срок – подполковник пока не знал. И вообще он второй раз за день поймал себя на мысли, что торопится. У него не было, пожалуй, самого главного: боевой единицы, способной реализовать его идеи. Аппетит приходит во время еды. Возможно, что-то проклюнется в ходе подготовки. А начало уже положено; и трудно наступить на горло своей песне.

– Ты знаешь секретные счета разведки ВМФ? – спросил Виталий.

– Нет. На то они и секретные, – лаконично ответил собеседник.

– А подставные фирмы?

Петров, одетый в слегка помятый светло-коричневый костюм и таких же тонов полосатый галстук, на минуту задумался.

– Еще будучи 2-м Главным управлением Морского Гене-

рального штаба, а позже разведуправлением Главного штаба ВМС, военно-морская разведка занималась левыми поставками вооружения – в основном в Индию, Вьетнам, Северную Корею. Под своей «крышей» она открыла за рубежом подставные фирмы, через которые отмывались деньги. После распада Союза незаконные поставки оружия прекратились, закрылись фирмы – кроме одной. Не исключено, что через нее нынешний разведупр время от времени проводит кое-какие финансовые операции. Но я об этом ничего не знаю.

– Что это за фирма?

– Теперь это консультационно-адвокатская фирма Bombay Consulting Pvt. Ltd.

– В Индии?

– Бомбей, насколько я знаю, до сих пор находится в Индии.

– Возможно доказать ее «родство» с папашей – морским разведупром?

– Доказать кому? Только специалисты поймут друг друга.

– Например?

– Например, я и ты. Неважно, колбасу мы варим, занимаемся промышленным шпионажем или работаем на одном компьютере. Просто ты замечаешь, что в твое отсутствие кто-то работал на компьютере, зная, что пользователей всего двое.

– Можно сделать так, чтобы эта фирма выставила *некой* компании счет за оказанные услуги?

– На основании чего? Нужен договор.

– А просто перевести деньги можно?

– Можно. Но их вернут обратно как ошибочно перечисленные.

– А если к тому времени счет фирмы будет закрыт?

– Если фирма переводит деньги и закрывает счет, банк деньги не возвращает и они остаются у фирмы, которая получила деньги, – уверенно ответил Петров, наверняка зная, что в банковских операциях Козырин разбирается не хуже. «Пытается размышлять?» – спросил он себя. – Освежает память?» – Договор в этом случае необязателен, – закончил он.

– Хорошо. Достань мне банковские реквизиты индийской компании. погоди, Николай, – остановил агента Виталий, – у меня еще вопрос: ты веришь, что на «Мавритании» соберутся главы террористических организаций?

Петров покачал головой.

– От Турка всегда приходила качественная информация, и в этот раз у меня нет причин не доверять ему. «Саммит» состоится – это точно. Но террористические организации будут представлять адепты, если хочешь, их руководителей. Люди не большие и не маленькие. Возможно, «авторы» громких терактов, чьи имена на слуху.

– А спонсоры?

– Финансисты в отличие от террористов стараются не передоверять свои дела третьим лицам, – веско изрек Петров. – Возьми хотя бы наших и посчитай, сколько времени они про-

водят в полетах. Они не сидят на месте. Впрочем, о чем я говорю. Ты сам все прекрасно понимаешь.

2

Алексей Воеводин объявил об окончании планового заседания Комитета Совфеда по госконтролю за органами ВР и поднялся из-за стола. Из постоянных членов сенатского комитета лишь двое неторопливо складывали в кейсы рабочие бумаги, остальные поспешили по своим делам.

Лысоватый, с массивными надбровными дугами, нависшими над серыми глазами с рыжими крапинами, сенатор был небольшого роста и все же сутулился. Особенно заметно это проявлялось, когда Алексей Александрович садился и его голова, сидящая на подвижной шее, словно уходила в плечи.

Оставшись один на один со своими мыслями, Воеводин надел пиджак и прошелся по просторному кабинету. Оказавшись у окна, он повернулся, скрестив на груди руки, и посмотрел на свое рабочее место как бы со стороны. На миг показалось, что за громоздкой спинкой кожаного кресла кто-то сидит, наблюдая заставку на мониторе ноутбука: там среди воздушных пузырьков, камней и кораллов плавали тропические рыбки.

Сенатор перевел взгляд на ряд телефонных аппаратов, стоящих на отдельном столике. По одному из них – желтова-

тому, словно бивни старого слона, – он мог напрямую соединиться с председателем Верхней палаты, по другому – лично с шефом ФСБ. Два других имели обычные городские номера. Но ни один из них не годился для чрезвычайно важного и секретного разговора.

Сенатор, стоявший во главе государственного контролирующего органа, не без оснований боялся прослушки со стороны ФСБ; там «слушают» всех, включая премьер-министра. Он был не властен поставить крест на той или иной акции – на то имелись другие методы и средства: поднять шумиху вокруг острого вопроса в прессе и тем самым добиться нужного резонанса; наконец, высказать свои соображения и аргументированно подтвердить точку зрения Комитета человеку, который управлял органами внешней разведки, – президенту страны. Но то – крайний случай, к нему сенатор не прибегал ни разу.

И сегодняшний вопрос, обсуждаемый на Комитете, ему в Кремле не решить. Равно как и через СМИ, от которых только сегодня сенатор получил двенадцать заявок на интервью. Остается третий, самый надежный, хотя и рискованный, и затратный метод.

А деньги таяли. Расходы многократно превосходили доходы. Можно продержаться на плаву год, от силы – два. А впереди борьба – по большому счету, финансовая – за кресло в Верхней палате парламента.

Сенатор подошел к телефону и в очередной раз набрал

московский номер. Когда абонент наконец-то снял трубку, чиновник бросил сухим, приказным тоном:

– Подъезжай ко мне на дачу. Там объяснишь мне, почему тебя не было на заседании.

Воеводин звонил подполковнику ФСБ в запасе и бывшему офицеру Службы безопасности президента, а ныне президенту Союза ветеранов спецназа Виталию Козырину.

Экс-чекист подобрал себе неплохую команду. Кроме оказавшихся не у дел бойцов спецподразделений ГРУ, ВДВ, погранвойск, он перетянул на более высокооплачиваемую работу действующих офицеров. Так, несколько человек, уволившихся из Службы безопасности президента, осуществляли охрану сенатора Воеводина.

Сегодня была их смена. Не считая нашумевшего «сочинского дела», получившего широкий общественный резонанс, они имели безупречную репутацию.

Рослый и широкоплечий телохранитель, одетый в строгий костюм, открыл заднюю дверцу представительского «Ауди А8». Казалось, сенатора оберегала не только его внушительная фигура, но и его могучая, как у раскидистого дуба, тень, накрывшая полмашины. Телохранитель сел на переднее сиденье. Его напарник, в совершенстве владеющий защитным вождением, тронул автомобиль с места. За ним последовал другой «Ауди» (более дешевая черная «четверка» таранного типа), способный столкнуть на обочину мощный и грузный «Мерседес».

Виталий Козырин был уже на месте, когда две немецкие машины въехали на территорию загородного дома генерала КГБ в отставке. Он стоял неподалеку от теннисного корта и наблюдал за игрой двух девушек – дочери сенатора и ее подруги, инструктора столичного фитнес-клуба.

В этот прохладный апрельский день девушки были одеты в спортивные костюмы. Козырин не раз становился свидетелем подобных поединков, особенно хорошо они смотрелись в теплую погоду. Обычно дочь сенатора – в отличие от папаша, высокая и стройная девушка с копной русых волос, напоминающая бельгийскую теннисистку Жанин Энин-Арденн, – облачалась в коротенькую юбку, которая при малейшем движении обнажала белоснежные трусики. Господи, а как она смотрелась в ожидании подачи соперницы!.. Широко расставив ноги, низко согнувшись... Своей роскошной упругой попкой она вытворяла такое, что не снилось ни звездам стриптиза, ни их состоятельным клиентам. Виталия неодолимо тянуло встать позади девушки и успокоить ее. И самому остыть.

Виталий Козырин, в феврале отпраздновавший сорокадвухлетие, оторвал взгляд от соблазнительницы и пошел навстречу шефу. Но Воеводин остановил его жестом руки:

– Пройдемся.

Двухэтажный особняк, построенный из лучших строительных материалов высококлассными специалистами, напичканный

японской техникой, итальянской мебелью, немецкой сантехникой, остался позади.

Они шли по аллее – справа молодые туки, слева – «полустенок» такого же юного можжевельника: прихоть сенатора. Эта безвкусица, которую Козырин окрестил «туками и перестуками», стоила сенатору немалых денег. Куда красивее смотрелась натуральная березовая рошица с прохладным ручейком, к которой они подходили.

– У нас могут возникнуть проблемы, – начал госчиновник. – Я тебе говорил, что ряд стран, включая США, Британию, дали «добро» на выдачу Ильясова, если он окажется на их территории? – спросил Воеводин. Спросил достаточно длинно, но с одной лишь целью избежать наводящих вопросов и пояснений.

Помощник кивнул:

– Я слышал об этом.

«Мразь! – выругался про себя сенатор. – Коржаковец хренов! Он слышал об этом! Но узнал-то от меня».

Он решил немедля сбить спесь с вальяжного чекиста.

– Ты отвечай на вопрос, а не изображай из себя директора ЦРУ. Кстати, почему до сих пор не обновили мебель в гостиной? Что, не хватило денег, которые я тебе дал, или в Москве закрылись все мебельные фирмы?

Козырин по праву считался правой рукой сенатора, классным специалистом по вопросам разведки и контрразведки. Он был его помощником и входил в состав сенатского ко-

митета. Его, разумеется, коробили поручения сенатора, хотя таковые он мог пересчитать по пальцам. Сейчас его подмывало ответить патрону «петровским» языком: «Рядовым не слушаться офицеров в делах, не касающихся к службе».

– Мебель привезут завтра, – ответил он, незаметно скривившись. С этой треклятой мебелью случилась рядовая, можно сказать, штатная, но неприятная история.

Союз ветеранов спецназа – это в том числе еще и грозная вывеска. Хотя в штате СВС боевого ядра как такового не было. Возможно, в планах президента была реконструкция СВС (или Эс-Би-Си, как в шутку называли Союз его члены) «по образу и подобию» охранных агентств, которые «крыли» государственный и частный бизнес. Значительные шаги в этом направлении были сделаны.

Так, СВС в лице своего президента и не без участия экс-генерала КГБ Воеводина помогал открывать бизнес, регистрировать предприятия по «единому столичному тарифу». Даже содействовал по закрытию уголовных дел и освобождению из-под стражи; цены колебались от десяти до пятисот тысяч долларов.

Однако рядовые члены СВС раньше руководства почувствовали грядущую перестройку. «Молодежь», выполняя поручения начальства, быстро заимела привычку контактировать с клиентами с позиции вальяжного высокомерия.

Вот и с директором фирмы «Мебель-Интерьер» они общались весьма убедительно. Партия мебели, которую Ан-

дрей Биткин заказал в Италии, задержалась на таможне. А отдавать образец, по которому был сделан и проплачен заказ, он наотрез отказался. Козырин, помогавший этому крестину «войти в бизнес», отдал приказ разобраться с мебельщиком. «Войсковая элита», имеющая за плечами колоссальный опыт боевых действий на Северном Кавказе, поняла шефа по-своему и провела «зачистку» фирмы. Мебельщика и пальцем не тронули, а вот дорогостоящая оргтехника в его кабинете восстановлению уже не подлежала. Резко пошатнулось здоровье жены строптивного коммерсанта, которая присутствовала при погроме, и она слегла в больницу с гипертоническим кризом.

– Почему мебель привезут завтра, а не сегодня? – гонял желваки сенатор.

– Ею любуются на таможне. Там ни разу не видели таких шикарных образцов.

– Я вызвал тебя не для того, чтобы выслушивать твои хамские речи! У нас проблема с Ильясовым!

«Я думал, с мебелью», – уже про себя дерзнул Козырин. Он не предполагал, что с мебелью для сенатора он нажил проблему, которая, как ни странно, помогала решить проблему не только с Ильясовым, но и воплотить в жизнь планы, рожденные в голове подполковника нынешним утром.

«Пути господни неисповедимы», – мог бы сказать он, если бы верил в бога.

– Я боюсь вот чего, – сенатор начал успокаиваться. –

Ильясов сейчас в Азербайджане. Техасец-младший может надавить на Алиева-старшего, и Гейдар выдаст чеченца нашей прокуратуре. Боров спит и видит Ильясова в камере для допросов. А Буш давится попкорном всякий раз, когда слышит синонимы слова «террорист». Вдруг Ильясову взбредет в голову приехать в Америку? Договор и был подписан в надежде или с расчетом, не знаю, что ноги чеченца не будет на американской земле. Так что Буш сделает все, чтобы путь Ильясова на родину был коротким. Зачем ему портить отношения с другом Вовой?

Кроме вымогательства, похищения людей с целью получения выкупа и убийств, Бадрану Ильясову вменялось в вину активное участие в финансировании чеченских боевиков, что было сущей правдой. Его выжили из Москвы благодаря потугам Генпрокуратуры, и только после этого главный надзирающий орган страны взялся за преступника всерьез: объявил его в федеральный и международный розыск, договорился о его выдаче с рядом зарубежных стран. На очереди была заморозка его счетов в зарубежных банках.

Справка

Воеводин Алексей Александрович. Родился в Лиенае, окончил Высшее командное училище КГБ СССР. Занимал разные должности в Погранвойсках,

в том числе в отделе разведки. В 1991 году ушел в отставку в звании генерал-майора.

В 1992 году Алексей Воеводин становится председателем Комитета по управлению госимуществом ...ской области и совместно с Фондом имущества утверждает чековый инвестиционный фонд АОЗТ «РОНДО». В этом же году он на коммерческой основе налаживает связи с мобильными преступными группировками бывшего подполковника милиции и известного вымогателя Бадрана Ильясова. Ильясов же и обеспечивал «крышу» госчиновнику, уже в то время подыскивавшему себе место в Москве.

Воеводин на правах госчиновника требует от предприятий области бесплатно передать в «РОНДО» крупные пакеты акций из доли трудовых коллективов. В свою очередь, Фонд имущества передает в «РОНДО» по 10 процентов акций каждого предприятия из госпакета. Таким образом в «РОНДО» накапливаются акции на сумму около миллиарда рублей – их балансовая стоимость. Реальная же их цена – сотни миллионов долларов.

Наконец «РОНДО» приватизируется, и его владельцами становятся физические лица. Алексей Воеводин – в том числе.

Далее под ваучеры учреждается еще один чековый инвестиционный фонд, затем – созданный Банк содействия приватизации, в который переводится счет Фонда имущества области. Акции предприятий, доставшиеся Воеводину бесплатно, перепродаются, в

том числе иностранным компаниям.

Выиграв на выборах, он становится губернатором области и входит в состав Совета Федерации, где покупает портфель главы Комитета по госнадзору (цена на кресла глав комитетов была немного ниже постов замминистра – а это от 300 тысяч долларов). Далее, сдав позиции, но не Комитет, – он просто сенатор³.

Из трех «великих комбинаторов», участвовавших и руководивших комитетами и инвестиционным фондом, до Москвы «доехал» лишь Воеводин. Остальные «сошли», дабы уже никогда не бросать тень на высокопоставленного чиновника. Ильясов принял двойной заказ. В день убийства областных чиновников были ликвидированы и непосредственные исполнители. Теперь, по большому счету, о махинациях Воеводина и его заказе знал лишь один человек – «лицо кавказской национальности».

Сенатор мог закрыть любое уголовное дело, придерживаясь непогрешимой тактики: взятки на трех уровнях – следователю, прокурору и судье. Чтобы у судьи повязка была, как и положено, на обоих глазах, как у Фемиды, а у следователя и прокурора – на одном, как у адмирала Нельсона.

Эта стратегия никогда не давала сбоев. Но по отношению к Ильясову, за которого взялся лично Генпрокурор, имеющий привычку не спать по ночам от пережитых волнений,

³ По материалам Олега Лурье, еженедельник «Версия».

эта комбинация с тремя неизвестными не срабатывала. Тут никакие деньги не помогут. И можно только представить, что будет с сенатором, если Ильясов окажется в следственном изоляторе. Генпрокуратура не упустит шанса распутать пару «глухарей» и снять зеленый дерн с финансовых махинаций высокопоставленного чиновника.

Очень трудно, почти невозможно выйти на заказчика убийства по контракту; а может, властям этого совсем и не нужно, поскольку на одном лишь примере-прецеденте обломятся все ветви законодательной и исполнительной власти, останется лишь безжизненный ствол. Ведь путь большинства парламентариев к вершинам власти трафаретом накладывался на восхождение к административному пику сенатора Воеводина.

Алексей Александрович не хотел быть первым сенатором, на которого опрокинется ведро с кремлевскими помоями.

Ко всему прочему, он был обеспокоен еще и тем, что не далее как вчера к прокурору был вызван губернатор ...ской области для предъявления ему обвинений в уголовных преступлениях – махинациях с госфондами на сумму полмиллиона рублей. Беспокоило то, что «Боров» сумел добиться от президента разрешения на эту акцию.

Сейчас Воеводин, глядя на Виталия Козырина, спросил:

– У нас есть люди в Баку?

Президент СВС, понимающий патрона с полуслова, покачал головой:

– Нет.

– Ищи, – напутствовал его генерал. – И чем быстрее ты их найдешь, тем лучше. Денег не жалея. Заодно поройся в своих ратоборцах. Они же у тебя все из спецподразделений, – с легким сарказмом акцентировал Воеводин. – Руки у них по плечи в крови. Особенно чеченской. Усек?

– Сенатор, без надежных связей и агентуры в Азербайджане я буду готовить эту операцию год.

– Год, ты сказал? Я даю тебе месяц. Запомни, сынок: если из-под меня выбьют кресло, твой ветеранский трест лопнет. Во-первых, из госказны ты не получишь ни копейки. Во-вторых, чтобы остаться на плаву, тебе придется переименовать твою некоммерческую структуру из СВС в ОПГ. А ножки у тебя слабенькие, ты только-только сделал первые шаги. Без моей поддержки ты не научишься ходить, будешь ползать. Без меня ты колесо без спиц, тебе даже палку будет некуда вставить. Ты не шурься, как дикая кошка. Таких подполковников, как ты, тысячи. Однажды тебе крупно повезло, благодаря мне ты имеешь не только вывеску, но и рекламу. Уйду я – и ничего этого у тебя не будет. Без работы останутся и десятки моих помощников, и те, кто работает на них. Целая армия. И у всех есть семьи, есть надежды и громадьё планов. Все они пропадут, а я по большому счету – нет. При нынешней политике, которая продлится еще минимум пять лет, я возглавлю какую-нибудь промышленную отрасль. И все это, – сенатор обвел руками свое поместье, – останется

моим. А когда я отдам концы на нелегкой министерской работе – перейдет к моим детям. К дочери, на которую ты пялишь глаза. Так что, зятек, не упусти своих шансов – их у тебя несколько.

Терпеливо выслушав сенатора, помощник наконец-то смог ответить:

– Шеф, у меня для вас есть две хорошие новости. И ни одной плохой.

И Виталий выложил перед сенатором два секретных доклада от Турка, адресованных начальнику отдела военно-морской разведки Петрову.

Сенатор долго читал и перечитывал бумаги, потом, сложив и убрав их в карман куртки, спросил:

– Что именно ты предлагаешь?

– Во-первых, – начал подполковник, – мы знаем, что Петров лично подчиняется начальнику разведуправления Главного штаба ВМФ контр-адмиралу Бушуеву. А он – я это слышал от вас – человек мягкотелый.

Сенатор сказал: да. Не редкость, когда военачальники бывают слабовольными. Даже Главным разведывательным управлением Генштаба в свое время руководили генералы отнюдь не бестрепетного характера. К таким бывший генерал КГБ мог отнести генерала армии Михайлова, снятого с должности в октябре 1991 года, и Тимохина; к «скромникам», но отнюдь не к слабодушным, – начальника ГРУ Ладыгина, оставившего «Аквариум» в 1997 году.

– Что дальше? – спросил сенатор.

– Дальше, – продолжил Виталий, – нужно заплатить Петрову любые деньги за то, чтобы два последних сообщения от Турка не попали в работу. Чтобы о них не знал начальник флотской разведки. Во-вторых, в кратчайшие сроки ликвидировать Ильясова и заставить его перед смертью перевести деньги, полученные им от Али-Шарифа, на секретный счет разведуправления Главного штаба ВМФ.

– Ты знаешь такой счет? – удивился сенатор.

– Узнаю сегодня вечером.

Воеводин, прищутив глаза, покивал собственным мыслям. Получается, что один из чеченских главарей то ли откупился от военно-морской разведки, то ли заплатил ей за какие-то услуги. А военно-морская разведка в угоду материальным интересам поступилась интересами государственной важности.

Чуть поразмышляв, сенатор кивнул:

– Это хороший крючок для начальника разведуправления. Очень хороший. Дальше.

– В-третьих, предъявив адмиралу просроченную шифровку от Турка и платежку от Ильясова, из него можно свить канат любой толщины. А наш главный «канат» – это третья часть сообщения от Турка, в котором говорится о том, что со счета Абделя Али-Шарифа был сделан трансфертный перевод денежных средств в банк «Даглас Кредит» в Мехико на сумму шестьсот миллионов долларов. Что счет был по-

полнен Али-Шарифом в результате нефтяных сделок. Хочет этого начальник разведуправления или нет, но он сделает все, чтобы...

Генерал, сам работавший в разведке, был тонким знатоком спецмероприятий. Даже не дослушав помощника, понял, что он ему предлагает.

Сенатор перебил собеседника и еще более веско изрек:

– Я сказал тебе, чтобы ты искал людей в Баку. Так вот теперь ищи их с удвоенной энергией. Но не просто так. – Он снизошел до того, что дружески потрепал подполковника по плечу. – Мы, сынок, сумеем заработать не только хорошие деньги, но и заполучить в свои ряды такого человека, о котором можно только мечтать. Андреевский флаг тебе в руки, дорогой! Да, постой. Петрову заплати. Пусть он попридержит шифровки. И про мебель не забудь.

«Вот настырный черт!» – выругался про себя Козырин.

Глава 2

Мебель для господина сенатора

3

Командир группы боевых пловцов ГРУ Генштаба «Гранит» не рассчитывал задержаться в Москве больше трех дней. Этого времени, полагал Яков Моравец, хватит для принятия экстренных мер, возникших, может быть, не к сроку. Через два месяца отпуск – в какой-то степени условный, поскольку капитана в любой момент могли отозвать в расположение базы. И ему в этом случае не пришлось бы писать рапорт, в котором он просил штаб Каспийской военной флотилии предоставить ему неделю в счет отпускных. Причина не надуманная, да и вряд ли возымеешь намерения обмануть начальство, работая в органах разведки. На имя Моравца пришла телеграмма, в которой Якова извещали о тяжелом состоянии его сестры, проживающей в Москве.

Самочувствие ее действительно ни к черту, злился капитан. А вот госпитализация сестры была организована ее мужем. Молодец! Вместо того чтобы отправить ее хотя бы в Дагестан, поближе к брату и подальше от Москвы, он устроил ей отдельную палату в городской больнице. И, разумеется,

никакой охраны к ней не приставил.

Стратегией тут не пахло, разве что расторопностью свояка, вызванной его лихорадочным состоянием. Вот кому самое место в больнице.

Вряд ли начальник штаба КВФ Александр Попов поступил мудро, вернув рапорт подчиненному, едва ли в его просоленной душе шевельнулось милосердие. Контр-адмирал решил совместить неприятное, касающееся капитана Моравца, с полезным, связанным с работой боевых пловцов.

Справка

...марта 2003 года амфибийной группой «Гранит» ГРУ ГШ было проведено активное наблюдение за внеплановыми учениями Корпуса стражей исламской революции Ирана, в которых были задействованы ракетные катера, катера береговой охраны, суда на воздушной подушке для переброски десанта, а также вертолеты и самолеты. Группе капитана Якова Моравца удалось поднять с глубины 60 метров неразорвавшийся снаряд с самонацеливающимся боевым элементом типа BONUS.

Откуда такой снаряд у соседей, которые использовали осколочно-фугасные снаряды и понятия не имели об оско-

лочно-пусковых, позволяющих создавать поля поражения большой глубины, только предстояло выяснить.

«Натовский» снаряд провалялся на складе базы месяц, хотя им заинтересовалось российское предприятие «Машиностроитель» (разработка и производство артиллерийских выстрелов), входящее в ассоциацию по направлениям разработки и производства боеприпасов и составных частей вооружения и военной техники (ВВТ). «Машиностроителю» не удалось создать современные артвыстрелы, и его политика по сей день ориентирована на создание малоэффективного неуправляемого оружия.

Инженеры исследовали трофейный снаряд и упаковали его, соблюдая все правила предосторожности – боевой элемент поместили в отдельный ящик. С этим грузом и прибыла в Первопрестольную группа капитана Моравца в составе четырех человек. Сдав BONUS представителю акционерной компании «Росбоеприпасы», в схеме организационной структуры стоящей ступенью ниже Российского агентства по боеприпасам и со стопроцентным государственным пакетом акций, бойцы подводного спецназа получили своеобразный бонус: трое суток в столице России. Но не отдыха, а скорее напряженной работы.

Москва. Капитан Моравец не был в столице два года. Она надавила сплошным потоком машин, которые то ли отравляли ее жизнь выхлопными газами, то ли подпитывали, а в

общем и целом, проводили больной неизлечимым недугом Москве курс химиотерапии; также она давила нескончаемой человеческой рекой. «Грунтовые воды», – подумалось Якову, когда людской поток увлек его и товарищей в подземку. Да и underground был уже не тот, что раньше: заплыванный на входе пол, обилие челноков с необъятными сумками и непроницаемыми лицами. Казалось, мешочники вытеснили коренных москвичей из метро, и последние прочно обосновались наверху, штурмуя переполненный наземный транспорт.

Слушая зятя и в основном глядя на его тонкие губы и глубокие складки вокруг рта, Яков не мог не сравнить его с лейтенантом Сергеем Перминовым. Отбрось чуть оттопыренные уши Андрея, прикрой его обеспокоенные бегающие глаза, и увидишь волевое (когда он не с похмелья) лицо Сергея. Тяжеловатый подбородок, словно позаимствованный у Михаэля Шумахера, не вязался с обликом коммерсанта, он виделся Якову опухолью, словно накануне Андрею хорошенько приложились прямым в челюсть.

Сравнил, вспомнил о своем бойце и только сейчас подумал о том, что его помощь может понадобиться. Сергей Перминов находился в очередном отпуске, до конца которого оставалось две недели.

В отличие от Якова, Сергей свою московскую квартиру на Беговой не продал, он сдавал одну комнату, оставив за собой другую. Ее хватало за глаза, когда диверсант-рантье приез-

жал в столицу в краткосрочные командировки или отпуска. Остановив зятя жестом руки, Яков набрал на сотовом номер Перминова. Этим людям связывало многое: детство, школьные годы, любовь к одной девушке, которая впоследствии стала женой Якова. Сергей всегда отставал от друга, но неизменно наверстывал упущенное. Будучи командиром взвода морской пехоты, он, как и Яков, но двумя годами позже, все же попал в спецподразделение «Гранит». Служба интересная, с агентурной работой в приморских городах вероятного противника. А это в первую очередь Иран с его «шахабами».

Справка

Система предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства России зафиксировала в Иране старт баллистической ракеты. Стартовый стол, с которого был осуществлен запуск иранского «шахаба», находится в секторе обнаружения российской СПРН «Дарьял-УМ», дислоцированной в азербайджанском поселке Габала. Ее возможности позволяют в автоматическом режиме определять все параметры запущенных ракет. Дальность полета иранской БР достигает 1300 километров, что на практике означает: боевая часть «шахаба», в том числе и ядерная, может достичь Тель-Авива, всех

американских военных баз в странах Персидского залива, но главное – российских городов: Ростова-на-Дону, Волгограда, Астрахани⁴.

Так что Иран, «главный пособник международных террористов», не вымышленный, а реальный потенциальный противник.

После завершения многомесячных курсов по подготовке боевых пловцов, которые для Сергея закончились ранней весной, друзья встретились вновь. Был дивный веселый вечер, Сергей, нежно обнимая жену Якова, кружил ее в медленном танце. Она была тем человеком, женщиной, которая не стала барьером между друзьями, но своеобразным препятствием для упорного, даже настырного лейтенанта Сергея Перминова.

Яков услышал в трубке сухое «да?» и знакомое покашливание. Он знал эту привычку Сергея, даже как-то выговорил ему: «Чего ты кхекаешь?»

– Привет, Серый. Есть дело.

– Откуда ты звонишь?

– Из Москвы.

– Из Москвы? – обрадовался Перминов. – А ну давай быстро ко мне!

– Недосуг, Серега. Срочная командировка. Я здесь с Сашами, Джеком и Крекером. Привезли BONUS, понял?

⁴ По материалам еженедельника «Независимое военное обозрение».

Короткая пауза.

– Есть. Ясно.

– Поможешь в одном деле?

– Конечно. Где и в котором часу встречаемся?

– Через час. В магазине «Мебель-Интерьер». Это на Ленинградском шоссе, почти напротив высотки «Банк Москвы». Командует магазином Андрей Биткин, ты должен его помнить. Он женат на моей сестре, был у меня на свадьбе.

– Помню, конечно.

– Меня в магазине не будет, – предупредил Моравец, – намечается серьезный разговор с какой-то бригадой. Что потребуется от тебя, Серега. Просто, пока я веду переговоры, ты походи вместе с Андреем. Куда он, туда и ты. Братва, сам знаешь, пошла ушлая. Я бы оставил с Андреем кого-нибудь из ребят, но малочисленной группой не хочется ехать на «стрелку». Мы долго не задержимся, максимум час. Добро?

Однако одним разговором с братвой не обойтись, в этом капитан Моравец не усомнился ни на секунду.

Окончив разговор с другом, Яков наказал зятю:

– Из магазина никуда не отлучайся. Во-первых, мы вернемся. Во-вторых, сюда придет Сергей Перминов. Не забыл его?

Андрей снова пожал плечами и поморщился: может, помню, а может, нет, и какое мне до него дело, своих проблем выше крыши. Да, точно, выше «крыши».

Он сравнил Якова с «дикарем», но не сразу нашел этому

объяснение. Наверное, все дело в том, что капитан флотского спецназа двенадцать месяцев в году – как на курорте; как никто другой знал «пять плюсов и пять минусов курортного романа», опубликованных, кажется, в преддверье курортного сезона в «Комсомолке». Ну там, природа располагает к романтике, в окружении солнца и вечной зелени так хочется любви, и прочее, прочее. Интересно, нервно задался вопросом молодой бизнесмен, для которого Каспий был неотличим от Черного моря, Якову весь год хочется любви или же бывают перерывы в межсезонье?

Явно «дикарь». Еще и потому, что, намеренно или нет, зажег край заплечной кобуры, скрывавшейся под кожаной курткой. Спросил его не без дрожи в голосе:

– Зачем тебе пистолет?

– Чтобы разговор вышел короче, – ответил командир диверсантов.

Вот с этого момента Андрей Биткин начал жалеть, что обратился за помощью к брату своей жены.

Он выложил ровно половину своих бед и теперь решал, продолжать ли.

Моравец поторопил родственника:

– Ты остановился на договорах с фабрикой «Николетти». Давай дальше. Разговор с братвой предстоит серьезный, так что мне нужны детали.

Этот разговор происходил в просторном полуподвальном помещении склада торгового предприятия «Мебель-Инте-

рьер». Как назло, плохая акустика резала слух, каждое слово, как мячик при игре в сквош, отскакивало от стен, но не проникало наружу: отлично подогнанные итальянские двери и окна, расположенные высоко, были надежными хранителями этой полукриминальной беседы.

Директор «Интерьера» не знал, куда девать руки, он то держал их перед собой, сцепив пальцы, как оперный певец, то переносил за спину, как заключенный. Яков же ничего со своими руками не вытворял: в полусогнутом положении они касались бедер. И такое положение, или стойка, черт их разберет, было отнюдь не напускным.

«Вот он весь в этой позе! – как-то зло реагировал Андрей. – Расслабленный, ленивый, но в то же время готовый к любым неожиданностям». Понимал, конечно, что сильно преувеличивает. К чему уверенному в себе морскому диверсанту что-то демонстрировать перед родственником?

Да, он остановился на фабрике «Николетти» – итальянском поставщике мягкой мебели высшего класса, аналогов которой на московском рынке пока не было, и фирме «Чиб», поставляющей мебель с кожаным покрытием, с отделкой ценными породами дерева для кабинетов и гостиных. К тому же итальянцы были готовы производить мебель специально для «Мебель-Интерьер» по ее собственным эскизам. Короче, от классики до хай-тека.

– Не успел я вернуться из Вероны, – продолжал Андрей, – где проходила выставка мебели, как ко мне в магазин снова

пожаловали гости.

– Расскажи, как вы познакомились.

– По рекомендации, блин! – Андрей выругался. – Друг посоветовал. Встретились, поговорили. Они выслушали меня, я – их. Они назвали тарифы – самые низкие, по их словам, в столице. Работай, говорят, спокойно. Если кто-то наедет – позвони. Если кто-то задолжает тебе или твоим знакомым – нет проблем: от сорока до пятидесяти процентов от суммы долга.

– Кого они представляют?

– Сами себя! Полностью это звучит так: общественная организация Союз ветеранов спецназа. А по сути, как выяснилось, – обычные бандиты, только с виду лощеные. Костюмы, галстуки, суровые лица, набитые кулаки.

– Дальше.

– Что дальше? – коммерсант пожал острыми плечами, и под рубашкой заходили худые ключицы. – Я уже три месяца работал, думал, что повезло и статистика не врет: восемьдесят процентов предприятий Москвы находится под контролем ОПГ.

– Решил, что попал в счастливую двадчатку? – усмехнулся Моравец. – Но так не бывает, брат. Рано или поздно за все приходится платить.

– Уже знаю. Короче, они заказали мебель. А я как раз уезжал в Верону – там я наладил приличные связи, меня даже пригласили на празднование 719-летия Джульетты. Думал,

что на месте сумею организовать отправку. Но мой помощник в Москве не смог договориться с таможенной. И дальше как в кино. Когда я приехал, эти бывшие спецназовцы устроили в моем офисе настоящий террор, Ирку до смерти перепугали. Правда, не тронули, даже слова не сказали. Молча крушили мебель, компьютеры...

Андрей в очередной раз покачал головой, с еще большим сожалением глядя на приезжего защитника. Это местные оперативники – и милиции, и ФСБ – знали все приемы и тонкости бандитских наездов на бизнесменов, а капитан был далек от них, поскольку круг его оперативных задач лежал в приморских населенных пунктах. В этих вопросах он действительно выглядел «дикарем» – третье и последнее определение, которое вывел Андрей. И, видит бог, уже трижды горько пожалел, что решать свои проблемы попробовал силовым путем. До этого он, не делая никаких анализов, а лишь держа в голове группу из шести-восьми человек, которой по плечу любая задача, был уверен в успехе. Что местные «ветераны спецподразделений» отстанут от него, едва узнав, кто стоит за директором «Интерьера». Первое – это свои, спецназовцы, «боевые братья». Второе – реальная боевая единица, ежели, конечно, они не примут во внимание пункт номер один.

Это с отчаяния, с долей справедливости рассуждал Биткин. Но, обращаясь к «пришлому» капитану, машинально сделал верный шаг: он не обратился к другой московской

группировке. В противном случае он бы попал в твердый переплет: поначалу выплатил бы «гонорар» обоим бандитским группировкам, а потом начал отстегивать проценты одной из них. Выхода из этой ситуации попросту нет.

– Вернемся к нашим баранам, – капитан Моравец в очередной раз поторопил свояка.

«Да, к баранам. Это точно». Андрей повел свое стадо проблем не через предубойную базу, а напрямик отправил в убойный цех.

Бизнесмен скосил глаза на остальных спецназовцев, их командир представил не рисуясь, а скорее по привычке:

– Джек.

– Саша Большой.

– Саша Маленький.

– Крекер.

Саша Большой и Саша Маленький подпирали потолок склада и виделись этакими стилизованными под боевиков атлантами. Джек был чуть пониже, но пошире в плечах. Крекер высокой жилистой фигурой походил на командира Моравца (позывные «Чех»), которого в отряде за глаза называли «Икотой». Все потому, что капитан, веривший разве что в морского бога Нептуна, перед боевой операцией бросал под нос нечто вроде словесного талисмана, которое в далеком детстве ему, наевшемуся всухомятку, наговаривала бабка: «Икота, икота, сойди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого». И, выходя из склада магазина, он тоже

еле слышно прогнусавил это заклинание. А на вопрос директора: «Что ты говоришь?» – ответил:

– Молюсь. О том, чтобы мне на пути больше не встречались директора мебельных магазинов.

Вопрос – почему Яков живо откликнулся на просьбу родственника – был закрыт с самого начала: страдал Андрей, автоматом страдала сестра капитана спецназа.

4

Сергей торопился. Глянув на себя в зеркало, увидел трехдневную щетину на подбородке, припухшие со сна веки; вчера лег далеко за полночь, а встал по звонку от Якова. Якова, которого в школе как только не дразнили. И Каином, и Авелем, Яком и просто Яшкой, на что взрывной парнишка демонстрировал свои врожденные качества бойца. Хорошее было время – на переломе спокойного, мирного и кровавого и жесткого. Жили под девизом «Ни дня без синяка». Хоть и раздували ноздри и обменивались оскорблениями и тумаками, но вроде как беззлобно. Во всяком случае, ни обиды, ни зла никто подолгу не держал.

Сергей погладил колючий подбородок: «Не брит, не чesan». Собственно, какая разница? Не на свидание же с девушкой собрался.

И тут Перминова словно прострелило, и он выругался. Идиот! Кретин! Он не спросил Якова, не приехал ли тот с

женой. Ленка не упустит возможности вместе с мужем прокатиться до Москвы.

Сергей прошел в ванную, вымыл под краном голову, побрился. Снова выругался. Теперь щеки имели обветренный вид, шелушились то ли от мыла, то ли от нового двухлезвенного станка, а может, от всего сразу. Ладно хоть раздражения нет, подумал Сергей, запоздало глядя на аэрозоль с пеной для бритья, принадлежащий квартиранту.

Потертые джинсы, рубашка, короткая кожаная куртка, ботинки. Оденься он иначе, и его не узнает даже близкий друг. Этакая гражданская униформа. И никаких головных уборов, даже в лютый мороз. Последнее время исключение – это бейсбольная кепка, козырек которой надежно защищал глаза от солнца.

Остановив частника – десятую модель «Жигулей», – Сергей сел в машину и закурил, опустив стекло. Вот уже неделю он не отдыхал, а просто жил столичной жизнью. Немного ворчливой, слегка раздраженной. Даже в праздности ее виделась Сергею едва приметная суета. Ярмарки, торжества – как бы принудиловка: нужно идти веселиться, нужно идти отдыхать. Просто так уже никуда не сходишь и не отдохнешь. На даче? Это тоже принудительный отдых. Впрочем, кому как, кто как привык. А привычка – штука сложная, зачастую последнее слово остается за ней.

Водитель «десятки», проехав светофор и свернув на Балтийскую, остановил машину и указал на реставрированное

кирпичное строение, отличающееся от соседних безупречной белизной оконных рам, кристальной прозрачностью стекол, за которыми, как на витрине, стояли образцы роскошной мебели: от кухонных гарнитуров до спален.

Все пятеро диверсантов были вооружены и имели разрешение на ношение и применение огнестрельного оружия. Они сопровождали груз «особой секретности», и оружие, которому позавидовал бы любой оперативник, им было необходимо. Это безотказные пистолеты на базе австрийского «глок-19»: одна осечка на семьдесят выстрелов. Пистолеты были скрыты под верхней одеждой.

Оппоненты не скрывали оружия, они приехали отстаивать свои права с «макаровскими» пукалками. Встреча состоялась неподалеку от магазина «Мебель-Интерьер», в безлюдном месте возле Никольского пруда и на равноудаленном расстоянии от поста ДПС и автозаправочной станции. Бывшие бойцы спецподразделений появились на двух джипах – «Мерседесе» и «Лэндкрузере», группа капитана Моравца – на «Газели», принадлежащей мебельному магазину, с Сашей Маленьким за рулем. Саша по праву считался лучшим мотористом базы, и по управлению надводными средствами передвижения боевых пловцов ему не было равных.

Обычно Виталий Козырин не опускался до мелких разборок, на этот раз он изменил правилам. Что-то подсказывало ему лично вмешаться в конфликт с сенаторской мебелью,

«любуюсь» Ржавкой, подпитывающей Никольский пруд.

Спецназовцы, прежде чем привезти босса, осмотрели место «стрелки» и нашли его удобным во всех отношениях, включая два выезда: через Никольский на Московский проспект и через Лесные пруды на широкую Сосновую аллею.

Их вальяжный выход из иномарок сопровождался слегка напряженным голосом Крекера, ставшего у левой дверцы «Газели»:

– Выходили из избы здоровенные жлобы. Порубили все дубы на гробы... А вот и старший дуб. Чех, давай-ка я с ним поговорю.

Моравец не ответил товарищу.

Как в вестерне, два лидера неторопливо двинулись навстречу друг другу и встретились в двадцати метрах от машин. Виталий был одет в светлую замшевую куртку края «френч» со специальной плечевой складкой, которая дает свободу, темные брюки и коричневые ботинки. Во время серьезного разговора он имел привычку почесывать подбородок, а с прищуром его темно-карие глаза сужались в щелки.

Он, не здороваясь, заговорил мягким баритоном:

– Кто начнет?

– Я начну, – ответил командир «Гранита». – У меня пара условий. Первое: ты и твои люди забывают, кто такой Андрей Биткин. Второе: дорога в его магазин закрыта и для тебя, и для твоих людей – даже если они захотят отовариться мягкой мебелью.

Виталий развел руками; его замшевый френч был скроен настолько ладно, что нигде не морщил.

– Я не знал, что ты имеешь на него права. Давай решим эту проблему и разойдемся с миром.

Яков был удивлен. На какое-то время ему показалось, что дело сделано, что этот человек с мужественным лицом и ровной осанкой действительно не знал о чьих-то правах на бизнес Биткина и были ли они. Но, как правильно заметил Андрей, капитан спецназа был далек от бандитских приемов и тактики, разве что слышал о них и механически пытался анализировать. Он был обучен с ходу решать любые задачи, которые ставились перед ним командованием, сейчас же, прибыв в Москву на полуполюгальной основе, действовал самостоятельно. Основа его работы – информация, сейчас же он работал, базируясь лишь на словах своего родственника.

Видя замешательство на лице собеседника, Виталий чуть приоткрыл в своей фирменной улыбке идеально ровные, какие-то стерильно-белые зубы. Он понял, что разговаривает с новичком в этом деле, с первых же слов капитана.

– Кого ты представляешь? – спросил Козырин.

– Я представляю самого себя.

– Тогда назовись. Я вижу тебя впервые, но наверняка слышал твое имя.

Примерно в это время тройка спецназовцев, среди которых были два кандидата в мастера спорта – по боксу и гре-

ко-римской борьбе, – шагнула за порог склада. Андрей не ожидал очередного вторжения и замешкался с ответом на вопрос. Боевик, весом за сто килограммов и устрашающих размеров грудной клеткой, обхватил затылок директора широкой ладонью и резко надавил, встречая его голову коленом. С окровавленным лицом Андрей отлетел в угол помещения. Далее на вопросы отвечал, сидя на полу и прислонившись к ящику:

– Он командир группы морского спецназа... – Скажи он эти слова в иной ситуации, в них не было бы ни заносчивости, ни высокомерия, разве что прозвучали бы они наивно, даже с долей беспомощности.

– Как его зовут? Где дислоцируется его отряд? – продолжали сыпаться вопросы.

Боевики были настолько хорошо подготовлены физически и, главное, морально, что, полагал Андрей, с ними вряд ли могли потягаться, объединившись, Александр Ковалев по кличке Саша Маленький, способный отбиться от десятка противников, и дагестанец Саша Большой. И те и другие давно забыли, что такое сострадание, и по одной причине: в силу своей профессии.

Козырин принял звонок по сотовому. Выслушал абонента, нажал на клавишу отбоя и положил трубку в карман. В его взгляде просквозило неподдельное любопытство, изогнутая бровь – тонкая и ухоженная – выразила удивление. Из друго-

го кармана подполковник не спеша извлек красные корочки.
– Кажется, я вспомнил тебя, – сказал он. – Ты – командир группы морского спецназа Каспийской военной флотилии капитан Яков Моравец. Интересная у тебя фамилия.

Справка

В 1921 году сотрудником Разведупра Романом Войцеховичем, уроженцем Моравии (тогда – Чехословацкой провинции, представленной в основном чехами и в меньшей степени немцами), было создано в Праге торговое предприятие, являвшееся прикрытием для советской военной разведки, испытывающей как денежный, так и кадровый голод. Разведупру приходилось привлекать случайных людей, без опыта подпольной работы, без знания языка и обстановки. Один из «случайных» людей в 1923 году поставил под угрозу провала всю «пражскую сеть». Роман Войцехович был вынужден уехать из Праги. В Москве он стал работать в Штабе РККА в общей (административной) части, взяв фамилию Моравец⁵.

Потомственному разведчику следовало бы поторопить товарища: прибыть в магазин не через час после звонка, а как можно раньше.

⁵ По материалам А. Колпакиди и Д. Прохорова.

Андрея Биткина в кабинете не оказалось. Бухгалтер, полноватая женщина лет сорока с небольшим, одетая в брючную пару и с брошью на лацкане свободного пиджака, качнула высокой прической в никуда, пояснив, однако:

– Андрей Викторович на складе.

Сергею пришлось задать еще несколько вопросов вышколенным продавцам, пока наконец ему не указали на дверь в конце зала, где на стеллажах были выставлены образцы паркетных плит. Десятки образцов, один другого интереснее и разных оттенков. Вот где не скажешь – под орех или под граб, паркет был из настоящих ценных пород дерева.

Сергей взялся за хромированную дверную ручку, которая вдруг резко опустилась, так что Перминов от неожиданности отпустил ее.

Дверь распахнулась. Незнакомый парень, прежде чем выйти из складского помещения, бегло оглядел Сергея с ног до головы, отмечая его слегка помятое, обветренное лицо и неброскую одежду.

– Тебе кого? – спросил здоровяк, грузно перешагивая через порог и давая дорогу еще двум парням. Их короткие стрижки, массивные золотые цепочки на шеях и самоуверенность, граничащая с наглостью, Перминову не понравились.

Сергей никогда не терял контакта со своим предчувствием. Просвистевшая у самого виска пуля запоминается на всю жизнь. А где-то в подсознании остается и то, что предшествовало выстрелу, и то, что осталось как бы за кадром. Это

могут быть слабый порыв ветра, быстрая, как взмах боевого ножа, тень потревоженной птицы, набежавшая на солнце тучка... И если вдруг случится зашуметь листве, вспорхнуть птице, заслонить облаку солнце, тут же четко сработает память: *сейчас должен прозвучать выстрел.*

Шестое чувство. Спецназовцу без него – никуда. Он во много раз острее воспринимает мир, все, что окружает его. И дежа вю – ранее прожитое – его вечный спутник.

– Мне директора магазина, – ответил Сергей, всматриваясь в парня и по сломанным ушам угадывая в нем спортсмена – вольника или «греко-римлянина».

– Сейчас он занят. Позже придешь.

Сразу за дверью на склад вела лестница в пять или шесть ступенек. Последний из парней задержался на верхней, загоразивая собою вход. Он больше ждал, когда незнакомец повернется и уйдет, нежели действительно препятствовал его вторжению. Скорее он вообще не ожидал сопротивления, действовал автоматически.

Короткий бетонный марш был без перил. Перминов действовал быстро и решительно. Двое парней, оставшихся у него за спиной, не успели среагировать на резкий рывок лейтенанта. Прыгая вперед и в сторону, он плечом сбил парня. От этого толчка и сам Сергей потерял равновесие и приземлился на бетонный пол, уже готовый сгруппироваться. Перекатившись, он оказался на ногах. Быстрый взгляд в одну сторону, в другую...

Возле ящиков, с которых свисала, покачиваясь маятником, тонкая металлическая лента, он увидел сидящего на полу Андрея Биткина. Он сразу узнал его, хотя они не виделись пять лет, со дня «чужой свадьбы». Из разбитого носа Андрея на рубашку и галстук капала кровь. Секунду назад он морщился от боли, и вот его внезапно отпустило при виде спецназовца.

Ему действительно полегчало, причем резко, вместе с подкатившим к горлу предостережением: «Сергей, сзади!»

Но сейчас лейтенанту Перминову не нужно было мешать, он знал свое дело.

Парень, которого он сбил плечом, оказался на ногах едва ли не быстрее Сергея, как и он, ловко сгруппировавшись и перевернувшись через голову. Трюкачеством тут не пахло, парень был настоящим профи; по тому, как он двигался навстречу, держа правый кулак у подбородка, Перминов угадал в нем боксера. И, подстраиваясь под него, Сергей определил для себя тактику защищающегося. Причем, на сторонний взгляд, не очень умело: он стоял лицом к противнику в узкой фронтальной стойке, чем добавил решимости боксеру. А тот, видя такой «подарок», шагнул вперед, чтобы наработанным прямым приложиться к массивной челюсти противника.

Сам того не сознавая, он попался на отточенную до механизма связку морского спецназовца. Лейтенант резко отступил, левым предплечьем заблокировал руку соперника и за-

хватил его голову обеими руками. А дальше тот сам помогал мастеру рукопашного боя и был не в силах терпеть адскую боль в шее и давление сильных, как у Терминатора, рук. Спецназовец без особых усилий повернул голову боксера и опрокинул его на спину, как тряпичную куклу.

Лейтенант тут же шагнул в сторону и оказался лицом к лицу со вторым соперником. Если тот и был боксером, то давно и с приставкой «кик», но действовал наверняка: ложный замах рукой и сильный удар ногой в пах. Сергей в своей ловкости не уступал мангусту. Резко перенеся вес тела на левую ногу, он захватил на груди и спине куртку кикбоксера и провел мощный удар головой в висок.

Последнего, самого крупного и сильного, успевшего спуститься на пару ступенек, лейтенант сбил сильным ударом ноги под бедра – красиво, с разворотом на полный круг. Парень ударился стриженной головой о ступеньку и сполз на бетонный пол.

После таких ударов и приемов, которые в характерной для себя жесткой манере провел лейтенант, не встают долго.

Сергей присел подле Биткина и потрепал его по щеке.

– Как ты, Андрюха? Помнишь меня? Я Сергей Перминов.

– Помню тебя, – попытался улыбнуться директор. – На свадьбе ты классно танцевал.

– Пьяный был, – отшутился Перминов. – За одного Биткина трех битых дают. Мой наставник назвал бы это «закономерностью возрастания личностной ценности субъекта по-

сле получения травматического опыта».

Через пять минут они вышли из складского помещения, оставляя там связанных металлической лентой боевиков Виталия Козырина. При малейшем движении лента впивалась в руки и причиняла невероятную боль.

5

Если подполковник Козырин знал не одно продолжение разговора, то капитан Моравец, сам того не ведая, загнал себя в тупик. Он привык оперировать с оружием; имея его под рукой, мог найти выход из любого положения. И сейчас оно под мышкой, готовое плюнуть свинцом в глаза этому холеному бандиту. И еще четыре ствола заговорят разом, не оставляя противнику ни одного шанса. Но выход ли это?

Яков попался в тот же капкан, что и Андрей Биткин, обратившийся к нему за помощью.

– Оказывается, мы с тобою коллеги, Яков Николаевич, а по отцам – тезки. Меня зовут Виталием Николаевичем, фамилия Козырин. Подполковник ФСБ в запасе, бывший офицер Службы безопасности президента. Я возглавляю общественную организацию...

– Я знаю, – перебил его капитан, – Союз ветеранов спецназа. Ты-то можешь сойти за ветерана, а они? – Он кивнул на бойцов Козырина, самому старшему из которых было не больше двадцати пяти.

– Я не закончил. Не люблю, когда меня перебивают. Я являюсь постоянным членом Комитета госконтроля при Совете Федерации. Как специалист.

– А по совместительству? Кроешь частный бизнес? Выбираешь долги, собираешь дань с коммерсантов?

– Не совсем так. Мы – некоммерческая организация. А в помощи нуждаются многие наши бывшие сослуживцы.

– Это пурген, братан. Ты поможешь двум, от силы трем, выткешь их имена на страницах газет и на личном вымпеле. Через пару лет, когда имена этих счастличиков набьют оскомину, ты добавишь к ним еще пару. Все фонды и ассоциации создаются для личного обогащения, прикрытия и отмывания денег. В деревне эту сказку расскажешь.

– Может, мы поговорим в другой обстановке? – предложил Виталий. – Например, за рюмкой коньяка в моем ресторане. Он недалеко отсюда.

Подполковник сменил тон. И если Сергей Перминов подстраивался под противника, то Виталий Козырин – под собеседника: пускай капитан на первых порах думает так, как ему хочется, пусть он видит в офицере службы безопасности братка – можно слегка подыграть ему.

Как и спецназовец Перминов, Козырин умел предчувствовать события и в этом направлении пошел еще дальше: перекраивать их по своему усмотрению и обращать во благо себе. Умение облагораживалось и звучало кратко: дар. И это словосочетание не требовало никаких пояснений.

– Не отказывайся, капитан, – продолжил подполковник, уже зная, как решить проблему с Ильясовым, – разговор пойдет за деньги. Не про мебельщика, за которого ты хлопочешь. Кто он такой, чтобы ради него обнажать стволы? И разве с ним грубо говорили, когда делали рядовое предложение отпустить выставочный образец мебели? Разве он умный человек, раз отказывается сразу от двух предложений? – Виталий покачал головой: – Нет, он скупой и неумный человек, а скупой всегда платит дважды. Я работаю с бизнесменами, которые твердо говорят «нет» одному предложению и «да» – другому. Вот это бизнес, это деньги. Прежде чем отказать, подумай, что стрельба в этом деле не поможет. Она никогда не доводила до добра.

Разговор продолжился в уютном прохладном зале ресторана «Гранд» под коньяк и хорошую легкую закуску; капитан Моравец впервые попробовал «Арарат» десятилетней выдержки и террин из копченого лосося с икорным соусом.

Козырин поступил мудро, или классически, втягивая капитана в игру, правила которой знал только он один: подстраиваясь под него и невольно вспоминая слова сенатора, он мысленно переименовал свой СВС в ОПГ и «поделил» зятя капитана, на которого на этот момент как бы претендовали две группировки – «общественная» и «организованная». То есть признал этот факт. В качестве откатных он предложил Якову Моравцу пять новеньких «Жигулей», опять же

не забывая напутствия босса: «Денег не жалеи».

Яков не поверил своим ушам.

Пять «Жигулей».

Тридцать тысяч долларов.

Такие деньги капитану и не снились. Не снилось, что они упадут словно с неба. Сам Яков не считал, что совершает непристойную сделку, в крайнем случае, он мог бы развернуться и уехать, понимая, что увязнет в разборках, которые с легкой руки отставного подполковника ФСБ выводили на него одно из управлений службы безопасности: либо следственное, либо по разработке и пресечению деятельности преступных организаций. А скорее всего им заинтересовалась бы военная контрразведка. И там, возможно, его спросят, кто он – Робин Гуд или Яшка Чех.

Был еще один вариант – робкий: сунуть «тридцатку» зятю и пояснить – это все, что я мог сделать для тебя, можешь считать это компенсацией за утраченную надежду. Однако его перевешивала более смелая версия: погасить конфликт в самом начале, дабы слухи о самодеятельности капитана не дошли до начальства, и взять деньги. Можно купить машину, а можно улучшить жилищные условия.

Принимая предложение от Андрея, капитан не мог не думать о компенсации. Но вот пришло больше – вознаграждение. Гораздо больше того, что он получил бы от родственника.

– Обменяемся контактными телефонами, – предложил

подполковник. На немой вопрос спецназовца пояснил: – Вдруг ты разобьешь машину и потребуются серьезный ремонт.

– Но разговор-то не закончен.

Теперь пришла очередь Козырину сделать удивленные глаза.

– С Биткиным мы разобрались, – продолжил Яков, – а как насчет моей сестры?

– Она что...

– Ага, – подтвердил капитан, – жена Биткина. Твои мордороты напугали ее до смерти, когда играли в бейсбол в мебельном магазине. Я был у нее в больнице, врачи говорят, что послешоковое состояние продлится еще дней десять. А лечение дорогое.

Пряча ухмылку, Виталий обернулся к помощникам, расположившимся за стойкой бара, которая вместила и бойцов «Гранита». Со стороны казалось, это старые друзья коротают время за кружечкой пивка.

– Саня! – громко позвал подполковник. – Дай-ка еще «десятку».

Вот и еще десять тысяч долларов шлепнулись на стол. «Как котлета по-киевски», – подумалось Якову.

– Что, если мы встретимся завтра и обсудим одно дело? – предложил подполковник.

Капитан пожал плечами:

– Почему бы не обсудить?

И только сейчас вспомнил про Сергея Перминова. Его помощь запоздала – об этом можно было судить по звонку, который принял подполковник Козырин в самом начале беседы. Но Сергей мог наверстать упущенное, если запоздал он ненадолго. Зная характер друга, Яков справедливо подумал о том, что его не сдержат и за битой в спортивный магазин заезжать не придется. О зяте, которого, быть может, постигла участь оргтехники в его кабинете, он подумал в последнюю очередь.

– Почему бы не обсудить, – повторил он, – если этому не помешают действия моего бойца, которого я приставил к Биткину.

– На этот счет не беспокойся, – самоуверенно ответил подполковник. – Обмен взаимными претензиями – ничего более, как считаешь?

«Мне все равно», – пожал плечами Моравец.

Одно колебание Яков погасил еще в ресторане. Второе – на подходе к «Газели». Из четырех врученных ему пачек долларов две он положил во внутренний карман куртки. Оставшиеся двадцать тысяч поделил между бойцами. Как и положено по статусу, им досталось меньше: по пять тысяч. Сам капитан заработал двадцать.

Саша Большой, глядя на Сашу Маленького, едва заметно покачал головой, но деньги взял. Не колебался лишь Крекер – старший лейтенант Алексей Шумилов, специалист по компьютерному оборудованию, взломщик систем связи, каких

еще поискать. Он один из всей команды предчувствовал, чем кончится дело, но мысли свои держал при себе.

А Джек – Евгений Каталин – долго держал деньги в руке. Потом сказал:

– Мне деньги нужны, пацаны. Наташка уже второго носит, нам бы отдельную квартиру. А то живем, сами знаете, на двенадцати метрах. – Джек усмехнулся, пряча виноватый взгляд. – Не было бы счастья, да несчастье помогло.

С одной стороны, хорошо, что Каталин с нами, подумал Моравец. А с другой... лучше бы его не было. Лишь перед ним Яков испытывал что-то отдаленно похожее на неловкость. Даже поймал себя на мысли, что не мешало бы дать Джеку побольше – тысячи на две.

Командир предупредил бойцов по-особенному:

– Ключи от нашей сегодняшней вылазки спрячьте подальше. Или вообще выбросьте. В море.

На складе магазина, поочередно глядя на связанных спецназовцев, родственника и лейтенанта Перминова, Моравец как-то равнодушно подумал, что его боец и друг не в доле. Не попал он в долю, что тут поделаешь. К тому же Сергей мог отказаться от денег.

В группе морского спецназа произошел раскол, «Гранит» дал трещину – единственное, о чем жалел капитан Моравец. Однако раскол неполный – в общении, что не должно отразиться на работе.

Глава 3

«Горькая ночь» по-русски

6

Сенатор, приоткрыв жалюзи, смотрел из окна на ставшую привычной панораму – с теннисным кортом, бассейном, беседкой с очагом для барбекю, парковочной площадкой, гаражом-мастерской, в котором умещалось три легковых автомобиля. Смотрел «во двор», как продолжал думать по старинке, на свою можжевельново-туковую «лесопосадку», обрывающуюся у березовой рощицы. Видел пару выдрессированных доберманов, которые, получив команду «свой», лишь обнюхали обувь гостя и вернулись к своей игриво-деловой работе.

Сенатору было непривычно видеть двух людей, прохаживающихся по необъятной территории его «двора». Сейчас он чувствовал себя чужим даже внутри дома. Как вор, он застался у окна и между молочными полосками жалюзи видел свои недовольные, напряженные глаза, отражающиеся в стекле.

«Он не поверит...»

У сенатора появилось желание взять в руки цейсовский бинокль и разглядеть лицо командира группы боевых плов-

цов. Для капитана усадьба сенатора – лишь демонстрация возможностей хозяина. Однако по ней капитан Моравец мог составить представление только о его финансовой мощи или благосостоянии. А вот что касается политической силы и власти – вопрос очень и очень спорный.

Предложение Козырина провести решающий раунд переговоров с командиром «Гранита» в показательном стиле сенатору понравилось. Не в каком-нибудь даже престижном ресторане, а действительно среди роскоши, где каждая вещь носила ценник. Моравец никогда не узнает, кто хозяин этого дома; он может позавидовать своему собеседнику – Виталию Козырину, который привез капитана на сенаторском «Ауди» в окружении профессиональных охранников действительно как к себе домой; и все относились к нему уважительно, называя Виталием Николаевичем. Но разговор Козырин ведет не от своего имени. В основном подполковник оперирует словом «мы», лишь изредка сбиваясь на «я». А капитан, человек флотский, наверняка знает притчу, которую принято рассказывать на флоте молодым командирам: *«Я вышел в море, Я дал полный ход, Я увидел противника, но Мы сели на мель».*

Сейчас Козырин даст полный ход, а на мель сядет вся сенаторская команда.

«Моряки, мать их!» – выругался Воеводин. Поймет один другого? И как капитан отнесется к работе, если его будут обуревать сомнения относительно личности Козырина? Соб-

ственно, вопрос лишней, поскольку сомнения не позволят капитану принять предложение президента СВС. Ему проще отказаться.

А шанс с капитаном неплохой, он же сейчас и на ближайшую перспективу – единственный.

Поймут они друг друга или нет?

Один раз уже поняли, когда один дал деньги, а другой взял их.

Позволит ли Яков Моравец втянуть себя в этот денежный круговорот, выбраться из которого удастся далеко не каждому?

– Сукин сын! – вслух ругнулся сенатор на помощника. – Он испортит все дело.

Кто он для Якова? Безымянный человек, пусть и богатый. Тут нужен не «козырь», а джокер. Пора появляться, решил сенатор.

Набросив на плечи куртку, Алексей Воеводин вышел из дома. Рванувшиеся к нему доберманы были остановлены его резким окриком, долетевшим и до гостей:

– На место!

Вот и хозяин появился. Это стало понятно всем – и людям, и животным.

Собаки, поджав хвосты, потрусили к воротам, где стояли две бревенчатые конуры. Они как две капли воды походили на домики для раздачи новогодних подарков.

Повернув лишь голову, Воеводин изобразил рукой подзы-

вающий жест. Когда Виталий и Яков приблизились, сенатор направил колючий взгляд на помощника:

– Сходи-ка посмотри, не пришел ли мне факс. – И продолжил без паузы, глядя на капитана: – Знаете меня?

Разумеется, Яков слышал имя генерала КГБ Алексея Александровича Воеводина, неоднократно видел высокопоставленного чиновника на экране телевизора. Одно время он не сходил с экранов, его приглашали то на одно ток-шоу, то на другое, брали интервью у подъезда Совета Федерации. Вживую же увидел его впервые; на удивление, он оказался небольшого роста. Может, по сравнению с атлетически сложенным Виталием Козыриным.

– Да, товарищ генерал, – ответил капитан.

– Называйте меня по имени-отчеству. Помните?

– Да, Алексей Александрович.

– Вот и отлично. Не будем касаться темы, по которой вы и ваши товарищи прибыли в столицу. Хотя... почему бы и нет? Почему бы не поговорить о ваших сослуживцах? В вашем отряде есть четкие разграничения по агентурной работе? Кто из тех, кто прибыл с вами в столицу, теснее других связан с бакинской резидентурой ГРУ?

Таким человеком являлся сам Яков Моравец.

Справка

Бакинская резидентура укомплектована офицерами российской военной разведки, имеющими «большой опыт работы в Закавказье, Средиземноморском регионе и странах Среднего Востока». Это позволило ГРУ практически в реальном режиме времени отслеживать ход переговоров между Баку и Вашингтоном.

– Не хотите отвечать? Тогда, быть может, назовете причину, по которой вы в ресторане «Гранд» получили крупную сумму в долларах? Интересно, хватит этих денег на то, чтобы купить вакансию вулканолога на Камчатке?

Сенатор прикурил, щелчком отбросил спичку, проследив за ее недолгим полетом, и по привычке пустился как бы в размышления вслух:

– Знаете, Яков Николаевич, бытует мнение, что, когда речь заходит о деньгах, все говорят о долге. Поначалу я спорил с ним, а потом подумал: «Черт возьми, о каком долге идет речь?» Долге перед страной, государством, народом? Или денежном долге? Тогда, выходит, это мнение – не что иное, как каламбур. Кто-то очень умный заложил в него несколько значений. И наша с вами беседа может пройти в двух направлениях. Все зависит от вас, какую форму разговора вы выберете. Только не забывайте, что вашим собесед-

ником является глава Комитета по госконтролю за органами внешней разведки. А у меня их пять, – хозяин растопырил пятерню, подержал у лица и как-то зло сжал пальцы в кулак. – Не буду ходить вокруг да около. Хочешь работать на меня? – жестко спросил сенатор, переходя на «ты». – Или спрошу по-другому: хочешь иметь приличные деньги? На порядок выше, чем ты получал в «Гранде». Деньги эти, между прочим, были мои.

«Молодец! – похвалил себя Моравец. – Ты получил деньги от куратора органов внешней разведки».

– Каким образом? – наконец ответил Яков. – Мне придется уволиться со службы?

– Нет, – сенатор категорично выставил ладонь. – Ты будешь получать официальные приказы от своих начальников, а коррективы к ним – от меня или моих людей. Причем от приказа не отступишь ни на шаг. Я могу сделать твою жизнь красивой и сытной, а могу оставить все как есть. Пройдем в дом.

И там капитан увидел огромную гостиную с двумя каминами, отделанными мрамором, дивную лепнину на потолке, витые лестницы с дубовыми перилами, подлинные картины мастеров XVIII–XIX веков и многое, многое другое. Вряд ли его глаза стали проводником зависти, однако он все видел, впитывал в себя, думал, что и у него жизнь может круто измениться. На какой-то момент ему показалось, что ступал он по газону своей «дачи», что гостиная с мебелью из ценных

пород дерева – тоже его.

Есть секретные агенты, работающие под прикрытием, которые имеют все то, что походя демонстрировал ему сенатор. Есть и такие, которые, уйдя со службы, буквально без какого-либо прикрытия купаются в собственных бассейнах, играют в теннис на собственных кортах, выезжают на своих лошадях. А кто-то, продолжая трудиться на «контору», на свою нищенскую зарплату мог позволить себе и «Мерседес» последней серии, и «Брегет» за пятьдесят тысяч долларов.

Нравственностью тут и не пахло. А какой запах от честной работы? – впервые, наверное, задался этим вопросом Яков. Запах пота, грязных носков и дыма дешевых сигарет. Можно отказаться от предложения сенатора и до конца жизни самому вдыхать эту смесь газовой атаки и щедро делиться ею с женой. Складывать получки и авансы и прикидывать, что можно купить через месяц, а что через полгода и через год. С ума сойти.

Да и, похоже, выхода у него не было. Он мог обратиться в особый отдел и рассказать о предложении, сделанном ему сенатором, вторым лицом в верхней палате парламента. И получить в ответ лишь один жест, и он знал какой.

Сенатор, курирующий работу органов внешней разведки, просидит в своем кресле не один срок. Он способен двигать фигуры на этом поле. Кто для него капитан? В каком деле и каким образом он сможет подкорректировать данное руководством задание? Пока ничего не ясно. Наверное, подумал

он, для сенатора важно, очень важно иметь своих людей в различных ведомствах, в том числе и в секретных подразделениях. Похоже на боевой резерв, заметил Яков. Вроде бездействует, но всегда наготове, даже получает за это деньги.

– Вы сказали, что от приказа я не отступлю ни на шаг.

– Именно, – безапелляционно подтвердил генерал. – Даже больше. Если вдруг в твоей работе случится накладка, я сумею вывести тебя из-под удара.

– Зачем вам это?

И Яков услышал то, о чем подумал.

– Скажи мне, что нужно богатому человеку? Больше денег. А что нужно власти предрержащему? Правильно – больше власти. Сражения идут повсюду, во всех эшелонах власти. Побеждает тот, у кого армия сильнее.

– Я думаю по-другому, – возразил капитан, – побеждает не тот, кто исходит из того, что есть у соседа, а отталкиваясь от задач.

– Мы найдем общий язык, – улыбнулся сенатор. – А пока ответь на вопрос: как скоро ты сможешь оказаться в Баку? Исключая сценарий твоего нынешнего приезда в столицу. Ну? – поторопил он собеседника.

– Думаю... через неделю, – с небольшой задержкой ответил офицер.

– Отлично. Это как раз то, что я хотел услышать. Сделай так, чтобы вместе с тобой в командировку отправились проверенные люди. Понимаешь, о чем я говорю?

Воеводин говорил о бойцах «Гранита», с которыми командир поделился деньгами. До конца командировки оставался всего один день.

Яков кивнул: да, я все понял.

– В детали одного неотложного дела тебя посвятит Виталий – подружись с ним, он хороший человек. Он же подготовит все необходимое для работы. Со своими бойцами переговоришь лично. Но не затрагивай эту тему, если засомневаешься в ком-либо. Мое имя вслух не произноси. Вот, пожалуй, и все.

Генерал протянул Якову руку:

– Удачи тебе, капитан, и твоим бойцам. Коли тебя что-то настораживает в наших отношениях, успокойся: если наши взаимоотношения выгодны нам обоим, то почему бы и нет?

Сенатор неожиданно подмигнул Якову. Он умело построил разговор, но закончил его более искусно, в стиле короткого философского спича.

Яков тоже не остался в долгу – мысленно. Он не ложился под сенатора, довольно быстро согласившись на сотрудничество, просто он показал свою зрелость. Вот и все.

Сенатор вызвал Козырина и, чего раньше никогда себе не позволял, взял его за грудки знаменитого френча.

– Форсируй события, лично лети в Дагестан, в Азербайджан, встречайся с нашими диверсантами, готовь для них все необходимое. Пусть они в течение недели растопчут ко

всем чертям и Ильясова, и его яхту. Неделя! Пусть выжмут все из себя и из этого долбаного чеченца. Держи счет, на который нужно будет перевести все его деньги. Сидя на таком крючке, начальник морского разведупра сделает для нас все, а не все возможное, улавливаешь разницу?

В этом плане сенатор мог сыграть одну из двух партий. Имея на руках сообщения секретного агента, он мог манипулировать этим по своему усмотрению и в дальнейшем, перехватив инициативу, существенно влиять на работу морской разведки. Поскольку легко доказывал, что разведчиков ВМФ в секретном донесении заинтересовал только тот пункт, где речь идет о бешеных деньгах, а безопасность страны – побочку.

Начальник разведупра Главного штаба ВМФ не сможет объяснить главе государства, почему сведения, затрагивающие жизненно важные интересы государства, не доведены до президента. Свалить все на нерадивых подчиненных означало признаться в собственной некомпетентности. В том, что главная задача военно-морского разведывательного органа, заключающаяся в добывании и обработке информации, не выполняется.

Собственно, даже после откровенного разговора, к которому сенатор уже начал готовиться, начальник военно-морской разведки не сможет доложить президенту о своем промахе, не пожертвовав своим местом. Этим он связывал себя и развязывал руки главе госкомитета.

А ильясовский миллион – это ерунда. Это наживка. Которую Главному штабу ВМФ ни за что не выплюнуть.

Вот так, взяв своего помощника за грудки, его инициативу бывший генерал КГБ приписал на свой счет. Спустя какое-то время. Кажется, так делал Вальтер Шелленберг.

7

Баку, Азербайджан, неделю спустя

Тучный, тяжело дышащий, однако легко переносящий жару Кямал Муртазин торопливо приближался к яхте класса «IOR». Эта крейсерско-гоночная яхта, оборудованная современными электронavigационными приборами (эхолот, лаг, радиопеленгатор), имела «швертботные» обводы корпуса с глубоким плавниковым килем, нижняя часть которого была заполнена свинцом. Эта морская красавица, оснащенная эффективным парусным вооружением типа шлюп с топовым стакселем, имела лишь один недостаток: на полных курсах под спинакером при свежем ветре она резко зарывалась на ветер с сильным креном.

Крепкий и смуглолицый охранник по имени Саид узнал Кямала, который не раз приходил к хозяину яхты, однако попросил азербайджанца подождать на палубе. Коротко пе-

реговорив с хозяином, Саид молча показал Кямалу, что тот может спуститься в кают-компанию.

Хозяина звали Бадраном Ильясовым, он находился в федеральном и международном розысках. Здесь, в Баку, его никто не искал.

Бадран встречал гостя в кают-компании, за столом, который поднимался по двум пиллерсам и закреплялся вплотную под подволоком. Вместе с парусной кладовой роскошная кают-компания, отделанная канадским кедром, образовывала помещение длиной около восьми метров.

На столе, словно специально для гостя, любившего шотландское виски, стояли бутылка «Джек Дэниелс», ведро со льдом, пара стаканов. Поздоровавшись с Кямалем за руку, чеченец усадил его за стол и налил виски – гостю побольше, себе – на палец, положил лед. Вряд ли Бадран Ильясов был гостеприимным человеком, скорее исполнял ритуал вежливости. К тому же Кямала, встречи с которым всегда носили деловой характер, не грех угостить, а порой сунуть в его потную ладонь зеленоватую купюру.

Муртазин, одетый в широкие светлые брюки, рубашку на выпуск и модную безрукавку, одним глотком осушил стакан и причмокнул, выражая и удовольствие, и благодарность. А темные глаза Ильясова уже говорили ему: «Теперь к делу».

– Ты знаешь человека по имени Яков Моравец? – спросил азербайджанец.

Они общались на русском языке. Бадран мог сносно изъ-

ясняться на арабском, английском, хуже – на немецком. Когда приобрел эту яхту, сделал попытку овладеть голландским, ибо все морские термины пошли от него, но вскоре забросил это дело: слишком сложно и утомительно. Ограничился лишь основами, которые позволяли ему свободно перечислить, например, комплект парусов своей яхты: штормовой грот, генуя для средних ветров №2, стаксель, штормовой стаксель и стаксель, который может быть установлен на внутреннем штаге. Еще он знал гоночный балл своей яхты, высоту надводного борта на миделе, количество спальных мест и мощность двигателя. Непонятно почему, но ему нравилось морское словечко «бык-гордень». Некогда спустившись с гор, абрек легко освоился в российской столице. Оказавшись на море, горец стал вдруг яхтсменом и несколько этим не смутился.

– Не знаю такого человека, – чуть запоздало ответил бывший милиционер. – А что?

– Добавь в лед выпивки, – по-киношному сострил-попросил Кямал. Проглотив очередную порцию скотча, он снова причмокнул полными губами.

Кямал Муртазин входил в бакинскую агентурную сеть ГРУ, точнее, в ее «азербайджанскую» часть из местного населения: служащие администрации порта, ресторанов, госслужащие, бизнесмены, нефтяники и прочие. Нередко встречался с людьми, чьих имен не знал. Исключение – сегодняшний день: с человеком, с которым он встретился рано

утром, он контактировал не раз.

– Сегодня я говорил с ним, – сказал азербайджанец чеченцу, которого буквально выжили из России. Вначале Ильясов осел в Катаре у своего приятеля Мовлади Удугова, затем перебрался поближе к исторической родине, оставив на попечение земляка свою жену и двух дочерей.

– Он хочет встретиться с тобой, – продолжил Кямал Муртазин.

– Ты можешь сказать, кто он? – начал злиться Ильясов.

– Он из ГРУ.

– Из ГРУ?!

– Ага, – подтвердил азербайджанец, довольный произведенным эффектом. – Всего три буквы, а какой результат – из самого Главного разведывательного управления. Не отказывайся от встречи с ним, Бадран. Раз военный разведчик сам идет на контакт, думаю, дело для вас взаимовыгодное.

Вначале Ильясов подумывал назначить встречу как бы на нейтральной территории, потом изменил решение: все равно, думал он, этот Моравец наверняка знает не только место, где отшвартована его яхта, но и роскошный дом в пригороде азербайджанской столицы.

Бадран основательно подготовился к встрече, собрав на борту яхты группу из шести боевиков, принимавших самое активное участие в боях против федеральных сил. Все они прошли подготовку в диверсионных лагерях Хаттаба и Басева.

Ильясов поздоровался с капитаном спецназа сдержанно, выжав на худое лицо скупую улыбку, поскольку внутренне был напряжен. Казалось, ничуть не удивился заявлению гостя с военной выправкой: его боевой группе была поставлена конкретная задача – ликвидация Бадрана Ильясова.

Отчего-то сразу после откровения капитана в голову Ильясова влезла отнюдь не бестолковая информация: Соединенные Штаты и Великобритания, в частности, включили Ильясова в список террористов, подлежащих выдаче правоохранительным органам тех стран, где они совершили преступления. Да еще пришло на ум очередное выступление Путина: *«Бандитов и террористов нужно вытаскивать из щелей и уничтожать»*.

Придя в себя, чеченец не знал, радоваться ли ему своевременному предупреждению. А кто предупрежден, тот, как известно, вооружен.

Яков, приняв угощение и делая мелкие глотки скотча, говорил об израильской разведке МОССАД, которая в свое время провалила не одну серьезную операцию. Взять хотя бы охоту за «Красным принцем»...

Справка

Али-Хасан Саламех по прозвищу «Красный принц»,

оперативник террористической группировки «Черный сентябрь» в Европе. Али-Хасан спланировал акцию в Мюнхене и убийство Баруха Коэна в Мадриде. Саламех был сыном крупного командира ООП (Организация освобождения Палестины) и возглавлял «подразделение 17» – спецслужбу ООП, отвечавшую за охрану Ясира Арафата. Он же поддерживал тайные связи между ООП и ЦРУ.

Али Саламех был настоящим конспиратором и не раз выскальзывал из ловушек, расставленных агентами МОССАДа. Ему удалось оторваться от погони и затеряться «где-то в Европе». После нескольких месяцев поисков его вроде бы опознали в Лиллехаммере. В Норвегию выехали ликвидаторы МОССАДа, провели заключительную часть акции и благополучно покинули северную страну, а прочие агенты укрылись на конспиративных квартирах. Наутро стало известно, что убит ни в чем неповинный марокканец Ахмад Бучики, женатый на норвежке и очень похожий на Саламеха. А израильские разведчики до сей поры вспоминают о Лиллехаммере как о «лей-ла-ха-мар», то есть как о «горькой ночи»⁶.

Моравец не зря вспомнил о «Красном принце», которого МОССАДу все же удалось ликвидировать: небольшая оперативная группа въехала в Ливан с канадскими паспортами, они запарковали автомобиль, начиненный взрывчаткой, на

⁶ Иосиф Дайчман. «МОССАД». История лучшей в мире разведки».

обочине дороги в Бейруте и взорвали его в тот момент, когда мимо проезжал «Красный принц».

Яков вспоминал и проводил недвусмысленные аналогии, которые никак не могли дойти до Ильясова: *неплохой конспиратор, мастер отрываться от погони, которого все же опознали, но ликвидировали совсем другого человека*. Недвусмысленный намек на еще одну «горькую ночь». По-русски. Или по-чеченски.

Когда Ильясов понял, что именно предлагает ему капитан Моравец, то спросил, с обычным прищуром глядя ему в глаза:

– Сколько я тебе должен?

– Нам, Бадран, – поправил чеченца Яков. – Пять бойцов плюс руководитель операции. По полтиннику на брата. За триста штук я сделаю работу чисто, комар носа не подточит. А на тебе поставят крест. Или повесят полумесяц, – рассмеялся капитан.

Ильясов пропустил мимо ушей тяжелую шутку спецназовца. О деньгах он думал меньше всего, больше его волновало недосказанное, стоявшее в чуть насмешливом, чуть напряженном взгляде командира «Гранита»: «Как много осталось несказанного!» За бывшего рэкетира, на совести которого десятки трупов, и действующего финансиста незаконных вооруженных формирований взялись всерьез и ликвидируют его если не сейчас, то немного позже, как «Красного принца». Его уберут если не руками капитана Моравца, то

любыми другими, лишь бы они были «чистыми».

Капитан давал ему шанс не только остаться в живых, но и надолго заставить забыть о себе. Это действительно стоило денег – тех, что запросил Яков, тем паче не такие они и большие. Подобные услуги порой стоят на порядок дороже, и инициатива чаще всего идет от заказчика.

Что касается денег, они у Бадрана были. И наличными он мог набрать требуемую сумму. Однако Моравецу сказал, что с налом у него сейчас напряженка.

Яков, не пряча насмешки, процитировал данные, полученные от подполковника Виталия Козырина:

– «Из Банка Дуглас Кредит, Мехико, переведены один миллион шестнадцать тысяч долларов на счет фирмы Алана КУСУЕВА, предприятие FKB ZARJA, а также один миллион сто тысяч долларов на фирму Бадрана Ильясова БАДР-ИЛЬ за посредничество с FKB ZARJA». Далее, Бадран. Из одного миллиона ста тысяч ты успел обналичить сотню, оставив в банке ровно «лимон». Вот его ты и переведешь на счет, который я тебе укажу. Кроме руководителя операции, у меня есть еще хозяин, – внес ясность Моравец.

– Откуда у тебя эти сведения? Алан Кусуев раскололся?! – Ильясов стукнул кулаком по столу.

– На вопрос «откуда?» в детстве мы говорили «от верблюда».

Капитан протянул Ильясову листок бумаги и пояснил:

– Переведи деньги на этот счет сегодня до полудня. Успо-

койся тем, что эти деньги достались тебе даром.

Это был счет консультационно-адвокатской фирмы Bombay Consulting Pvt. Ltd. О том, что через эту фирму некогда отмывались деньги военно-морской разведки, знали сенатор Воеводин и его помощник, но не знал капитан Моравец.

– Дальше, – продолжил Яков. – Вечером пригласи на яхту знакомого – азербайджанца или чеченца, не важно, желательно – твоей комплекции и возраста. Ровно в двенадцать тридцать уходи с яхты: остальное – это наша забота. Но если денег на счету не окажется, о двойнике можешь не беспокоиться. Равно как и о своей жене и детях – с этой минуты они под надежной опекой. В Катаре сейчас прекрасная погода, Бадран. *Мы знаем не только свое дело, но и его продолжение.*

В последних словах капитана прозвучала угроза.

– Как я могу верить тебе, шакал, после всего этого?! – вздыбился чеченец.

– А ты можешь не верить, дело твое, – спокойно ответил капитан. – Да, вот еще что, – добавил Моравец, – будешь уходить, оставь в ахтерпике⁷ свою куртку с документами и хотя бы твою печатку.

Капитан Моравец, войдя во вкус, делал деньги.

⁷ Румпельное отделение.

Командир группы заранее распределил роли, и в помещения яхты проникли трое диверсантов: Саша Маленький и Крекер – через люки, расположенные перед кокпитами, и сам Моравец – через светлый форлюк, который имел достаточную площадь для подачи парусов из парусной кладовой на палубу.

В основном диверсанты работали ножами, стараясь не шуметь. Саша Большой убрал двух чеченцев из охраны Ильясова на палубе до вторжения группы в помещения яхты. Еще с одним, оказавшимся в каюте, сейчас разбирался Крекер. Диверсант всадил в живот Саиду двадцатисантиметровый клинок и на нем, помогая себе свободной рукой, чуть приподнял охранника. Ноги чеченца снова коснулись палубы, когда в животе у него образовалась огромная рана, а клинок коснулся ребер.

И все же один выстрел прозвучал. Саша Маленький не совладал с огромным «шкафом» своего роста и веса, поднатюпившим на татами. Дзюдоист, выбив нож из руки нападавшего, сбил его с ног передней подсечкой. Больше он ничего сделать не успел. Из положения лежа Саша Маленький исправил свою ошибку: пуля из «глока-19», которыми также вооружены польские боевые пловцы, попала борцу в переносицу.

В этом коротком поединке спецназовец продемонстрировал лучшие качества бойца. Он ни на йоту не сомневался в своем превосходстве, даже когда противник обезоружил и отправил его на пол каюты. Саша Маленький еще не успел приземлиться, а уже знал, что произойдет дальше. Когда его плечо коснулось пола, он уже сжимал в руке пистолет.

Человек, которого Ильясов собирался использовать как своего двойника, был родом из Венгрии и владельцем небольшого портового ресторана. Бизнес в Баку не приносил Николасу Лайошу сверхприбылей, но ему хватало денег на то, чтобы отсылать значительную часть в Дебрецен – небольшой город на востоке его родной страны, где осталась взрослая дочь с ребенком. Жена Лайоша помогала ему здесь, в этой богатой нефтью республике.

Лайош ничего не понял, когда захлопали створки люков, а через них (ему показалось – на веревках) в кают-компанию разом проникли несколько человек, чьи лица скрывали маски. Венгерский предприниматель и чеченский бандит, как в известной песне Валерия Леонтьева про югославского матроса и его интердружка, некоторое время смотрели глаза в глаза. Один из них понял все, другой – ничего.

Командир группы диверсантов, выбив из-под Ильясова стул, припечатал чеченца лицом к полу. Надавив коленом в середину позвоночника, Чех тихо, но внятно спросил:

– Ну и кого ты хотел принести в жертву? Кто этот человек?
Вместо Ильясова ответил сам Лайош, которого в чувство

привело слово «жертва». Работая в Баку, он тем не менее на азербайджанском мог лишь поздороваться, попрощаться, сказать «спасибо» и «пожалуйста». Почти все в порту общались на русском. Сейчас из его уст вылетала жуткая смесь русского и английского:

– I...m hungarian. Из Дебрецена, – отрывисто говорил Николас. – Я не очень хорошо знаю господина Ильясов. He is just one of my clients. Я прошу...

Венгра перебил Крекер, появившийся из спального помещения. Через шерстяную маску голос диверсанта прозвучал глухо:

– Get out!

Когда Лайош, не попадая на ступеньки, выскочил наружу, Яков поторопил товарища:

– Так, Терминатор, приготовься открыть шкатулку с призовыми. – Он сильнее надавил на спину чеченца. – Я буду считать до пяти. На счет «шесть» мы всей дружной компанией узнаем, какого цвета у тебя мозги.

– Final countdown, pal⁸, – снова вставил Крекер.

«Шкатулка» оказалась в парусной кладовой, в левом дальнем углу. Завернутые в тряпку, там лежали триста восемьдесят тысяч долларов наличными и восемь якутских бриллиантов стоимостью на порядок больше всех найденных в кладовой наличных: все то, что Ильясов намеревался прихватить с собой. Плюс миллион безналичных; куда и на чей счет

⁸ Окончательный отсчет, приятель (англ.).

пошли эти деньги, команду Моравца не беспокоило. Они делали свою работу и имели на ней свой интерес.

А пока что Бадран Ильясов опознал свою рыжевато-пепельную куртку, которую он заблаговременно положил на условленное место в ахтерпике, свою печатку из черного золота с небольшим якутским алмазом.

На придушенного чеченца надели куртку; его безымянный палец снова венчал приметный перстень. Его тело подняли на палубу через форлюк и оставили там.

Взрыв прогремел в час ночи. Как и рассчитывал капитан Моравец, лицо Ильясова не пострадало, и тело чеченца опознали наутро.

А к одному из понтонов прибило еще одно разбухшее тело. Некогда оно принадлежало Кямалу Муртазину. Теперь о встрече командира «Гранита» и Бадрана Ильясова не знал никто.

Кроме двух человек по крайней мере. Но ни сенатор, ни его помощник не догадывались, что капитан Моравец получил на своей жертве больше миллиона долларов. Более того, за успешно проведенную работу капитана ждала «сенаторская стипендия»: пятьдесят тысяч долларов.

Глава 4

Человек за бортом

9

Москва

На сегодняшнем заседании Комитета, посвященном участвовавшим терактам в российской части Северного Кавказа, Воеводин чувствовал себя как рыба в воде. Перед решающим разговором с контр-адмиралом Бушуевым он буквально черпал вдохновение из его морской души. На вопрос одного из членов Комитета, любившего порассуждать на тему «А что скажет президент?», сенатор взорвался:

– Он разгонит нас к чертовой матери, если мы начнем задавать такие вопросы! Нам нужно подготовить рекомендации президенту для принятия оперативных решений по предотвращению конкретной ситуации – это раз. По преодолению последствий – это два. Нам нужен грамотно составленный документ. Босс подмахнет его, не глядя.

Вообще, сегодня речи главы сенаторского Комитета были слишком длинные, но он не собирался сокращать их. «Сжать

можно пар, но не горячий воздух». Так, кажется, отреагировала на словоблудие будущего шефа ФБР Джона Эдгара Гувера его школьная учительница.

После заседания Воеводин попросил Бушуева остаться. Он буднично сообщил адмиралу, что располагает информацией о готовящемся «саммите», на который приглашены российские правозащитники из так называемой «Стокгольмской группы»...

Секретный материал, которым манипулировал сенатор, как бы перестал быть таковым. Прелюбодей Петров из разведуправления ВМФ отослал донесения Турка в разработку в первом часу дня. Но спустя девять дней. Как раз в то время, когда адмирал находился на заседании Комитета.

Сенатор, глядя на Бушуева, ухмыльнулся: «Да, он все же мягкотелый».

У контр-адмирала Бушуева много чего не было. Например, достаточных средств для нормального функционирования своего аппарата. Но у него была такая голова на плечах, которая сумела удержаться вместе с фуражкой в течение восьми лет, что он руководил флотской разведкой. Он редко появлялся в кругу политиков и госчиновников, но его появление всегда сопровождалось словами: «Это не Шамиль Тарпищев? Надо же, как похож!»

Бушуев не любил недомолвок, сам мог предугадать ход противника и нанести удар первым. Однако нутром почувял, что карта у соперника очень сильная. Копии донесений

может опубликовать пресса – все зависит от сенатора (самое досадное то, что контр-адмирал не сможет ответить сенатору, что тот обнародовал материалы с грифом «секретно» и «для служебного пользования»). И множество людей зададутся вопросом: как работает военно-морская разведка в частности и органы внешней разведки Минобороны в общем, если секретные документы свободно гуляют не только по Главку.

Это было похоже на конец карьеры адмирала Бушуева.

Он на секунду прикрыл глаза, напряженно анализируя.

Первое: просроченные шифровки.

Второе, вытекающее из первого: информация, затрагивающая жизненно важные интересы государства, не доведена до сведения президента *вовремя*, то есть сразу же после ее получения. («... на „саммите“ возможны обсуждения деталей готовящегося теракта. Как это произошло на встрече, организованной одним из руководителей „Аль-Кайды“, где отшлифовывались детали теракта, совершенного в США 11 сентября 2001 года...»

«В дополнительной информации на Али-Шарифа содержится доказательная база о финансовой поддержке шейхом Али-Шарифом чеченских незаконных вооруженных формирований...»

«На „саммит“ приглашены российские правозащитники... известные как защитники лидеров чеченских НВФ... Для защиты прав своих клиентов им не хватает легальных источ-

ников финансирования и они ищут поддержки в „шейхорате“ Ирана и Саудовской Аравии».)

Неделя прошла, а никто и пальцем не пошевелил. Кроме Воеводина. Откуда у него эти шифровки? Он мог сказать, что получил их по факсу от доброжелателя. То есть не все так плохо, в военно-морской разведке есть доброжелатели.

А вообще, похоже на заговор против руководства флотской разведки. Либо поджевывают снизу, либо сверху.

– Вы чего-то хотите от меня? – спросил контр-адмирал.

Воеводин махнул рукой и как бы продолжил:

– А я хочу чего-то от вас. Классика, господин Бушуев.

– Не называйте меня господином. Я сам себе на хлеб зарабатываю.

Сенатор выпятил губу: «Ну надо же!»

– Я хочу сказать следующее, – продолжил он. – Террористы могут встречаться в открытую, их встречи фиксируются спецслужбами – вами в том числе, и только. Для меня главное – *это подтверждение факта переговоров российских правозащитников с арабскими финансистами.* Это поможет очистить парламент от государственных преступников – это именно то, что не позволит вам работать в рамках договоренностей с той же британской МИ-6, к примеру. Все мы играем на одном поле, только в разное время и с разными болельщиками. Ответьте на вопрос: вы проводите спецоперации, не ставя президента в известность?

– Я не играю в такие игры. – Контр-адмирал встал и, одер-

нув китель, повернулся к двери.

– Торжественно обещаю, – остановил его чиновник, – что на завтрашнем Комитете будет принято обращение к президенту о проведении спецмероприятия силами КВФ и под контролем госкомитета Совфеда.

Что означало следующее: неважно, какое подразделение будет выполнять задачу и кто отдаст приказ, важно то, кто будет курировать его работу. «Знаете, президент не доверяет безответственным людям», – мог сказать Воеводин. Уже имел право высказаться в таком духе.

Какой интерес он имеет на этом, гадать не надо. На грядущем заседании он наберет столько очков, сколько не набрал за всю политическую карьеру. Он сам получил информацию, сам вынес острый вопрос на обсуждение и свил из адмирала не веревку, а хороший причальный канат. Одним словом, действовал на манер военного руководителя какой-нибудь латиноамериканской страны. Однако Бушуев засомневался: президент вряд ли уступит сенатскому давлению и даст добро на проведение спецоперации, носящей сомнительный оттенок. А если уступит, то Воеводин, что бы ни случилось после, останется вне игры: он курировал подотчетный ему орган, а с работой не справилось определенное подразделение. У него был беспроектный вариант.

– А если операция сорвется? – спросил адмирал, забегаая вперед. Он отдавал себе отчет в том, что даже в вопросе проведения спецоперации он потерял инициативу. Теперь всем

верховодил этот сморчок.

– Нам нужно думать о том, чтобы она не сорвалась. Если мы договоримся, мне придется задействовать одно из ваших подразделений.

– Как вы собираетесь наладить контакт с ним?

Сенатор использовал нэповскую тактику – сделал шаг назад, чтобы прыгнуть на два вперед.

– Я не виноват, что материал попал ко мне в руки. Будем исходить из худшего – мы не договорились. Но у вас остается один-единственный шанс разрядить обстановку: еще до принятия решения президентом предпринять кое-какие шаги по подготовке к операции. Проявите инициативу.

– Я приму это к сведению. Вы не ответили на мой вопрос: как вы собираетесь наладить контакт с моим подразделением?

– В рамках сотрудничества. Ударим по рукам?

– Обычно я думаю, бью уже потом. Сколько времени у меня на раздумье?

– Нисколько. Разве что минута.

Ею адмирал и воспользовался.

По большому счету, речь шла о его чести. Он мог разрядить обстановку другим способом: добиться аудиенции у главнокомандующего, доложить (в том числе и об откровенном разговоре с сенатором) и подать прошение об отставке.

Глядя в глаза генералу, Бушуев ответил:

– Нет. Не договорились. И я сделаю все возможное, чтобы

снять крышку с вашего горшка. Я еду в Кремль.

«А жаль...» Воеводину показалось, что дело сделано. И, конечно, он понимал, что контр-адмирал действительно мог сорвать его планы.

– Одну секунду, Алексей Семенович, – во второй раз остановил контр-адмирала Воеводин. – Разговор еще не закончен. Слышали о вчерашнем происшествии близ Баку? Я говорю о Бадране Ильясове. Профессиональная работа. Из вашего подразделения, между прочим, парни сработали. А на секретный счет вашей организации были переведены деньги, принадлежащие этому негодяю – пусть земля станет ему спокойной морской водою. Денежки-то на счет бомбейской адвокатской фирмы пришли, и она не знает, что с ними делать. Ведь счет щедрого инвестора закрыт.

– Я могу идти?

– Я вас не держу. Но вы прикиньте, что будет с вами, когда пресса опубликует секретные шифровки, которые были придержаны лишь для того, чтобы завладеть деньгами террориста, а после ликвидировать его. Вот еще одна версия, если вам одной мало: вы придержали секретный материал для своих целей, ведь копнуть под правозащитников Юлия Гуревича и Александра Зиновьева и доказать их сношения с финансистами террористических организаций – дорогого стоит, в крайнем случае, это сойдет за выгодный обмен информацией. Что, мало? Тогда следующая версия: один из чеченских главарей откупился от военно-морской разведки или

заплатил ей за какие-то услуги. А она в угоду материальным интересам поступилась интересами государственной важности.

10

Алексей Семенович Бушуев, вернувшись в штаб, впервые за много лет закурил. Голова слегка закружилась; и от этого, и от дыма, стелющегося над столом, желтоватый аппарат прямой связи с верховным главнокомандующим виделся расплывчатым.

Конечно, полагал контр-адмирал, у сенатора есть козыри. Он смело сел играть с очень серьезным противником. Но у него, кроме козырей, наверняка есть джокер. А если нет, то он будет. После операции? Что он может предъявить потом, чтобы как минимум избежать справедливой мести? Ведь он не дурак и должен понимать, что игры с военной разведкой не остаются безнаказанными.

Хотелось спать. Жутко. Голова клонилась на плечо, но ее словно кто-то подкидывал.

Впервые за долгие восемь лет работы на главном посту военно-морской разведки Алексей Семенович совершил, кажется, непоправимую ошибку. У Бушуева было два выхода: один небольшой – он надежно сидел в кобуре, другой – тоже маленький и лысоватый – восседал в своем небольшом креслице.

В голову лезла полупустая фраза: «Повинную голову...»

Контр-адмирал по привычке ударил по столу широкой ладонью и прошелся по кабинету. Есть, должен быть выход.

Он подошел к зеркалу и оглядел свое осунувшееся лицо, задержал взгляд на седоватом виске и удрученно хмыкнул. «Жаль, конечно, если в нем появится дыра размером с амбарный замок».

О деньгах, якобы поступивших на счет бомбейской фирмы, адмирал ничего не знал. Военно-морская разведка давно прекратила сношения с этой фирмой, так что сенатор в этом вопросе попал в «молоко». Но у него на руках остаются копии «просроченных» шифровок от Турка – главный компромат. Можно кое-что подчистить, но следы все равно останутся. Предстояло выяснить, кто из аппарата сработал на бывшего генерала КГБ – это первое. Второе: что стоит за инициативой сенатора. Бывший генерал КГБ привык играть за спиной, это стало его второй натурой. И в этот раз он не изменит себе. Что, что он задумал? Адмирал принял предложение Воеводина лишь с одной целью: выяснить его истинные планы. Ему стоило согласиться сразу, но он колебался; идея вывести генерала на чистую воду пришла как бы под его давлением, при помощи грубого шантажа. Но так даже лучше – пусть думает, что сломал начальника военно-морской разведки и может манипулировать им и дальше.

Голова болела как никогда. Непослушные, словно изуродованные пальцы с трудом нажимали клавиши на телефон-

ном аппарате. Такое чувство, сопоставил адмирал, словно палач загнал под ногти иголки. Бушуев звонил в штаб Каспийской военной флотилии.

– Бушуев у аппарата. Дайте мне Попова. Александр Петрович? Здравствуй, дорогой. Парламентарии требуют от меня помощи. Обеспечь им пару суденышек и дюжину крепких ребят. Когда? Думаю, долго ждать себя они не заставят. Ну вот и отлично. Всего доброго.

11

Дагестан

Глядя на тройку незнакомцев, прибывших на базу боевых пловцов «Гранит», капитан 1 ранга Олег Бобров попытался понять значение вертящегося на языке слова: трактет. Профан в музыкальной грамоте, он все же по окончании этого резкого слова определил в нем музыкальный термин.

Резкое. Не суть, что оно означает отрывистую игру. Вот Олег Васильевич, слегка прищурился серые глаза из-под короткого козырька «нахимовки», представил партитуру, а там вместо названия произведения начертано по-латыни: TRACTET. Рядом с пюпитром вырос лохматый дирижер с ликом сумасшедшего и, повинувшись названию безымянного

автора и заражая своими эмоциями дюжину музыкантов, начинает яростно дирижировать. Со спины кажется, что он беспощадно избивает кого-то.

Трактет.

Хорошее словечко прилипло.

Бобров, в повседневном кителе, начищенных до блеска ботинках, здоровался за руку с одним из троицы – чернобровым, кареглазым, одетым в деловой серый костюм и роскошные светло-коричневые ботинки модели «мокасины». Модный парень, современный; и надоедливое слово вдруг малость изменилось: трахтет.

Начальник разведотдела Каспийской военной флотилии – он же заместитель начальника штаба по разведке, – приветствуя второго гостя базы, широко улыбался ему как старому другу, с которым не виделся двадцать лет. «Двадцать лет спустя». *Играть отрывисто.*

Третий. Также одет с иголочки. Выправка военная, под пиджаком угадываются крутые мышцы: бицепсы, трицепсы. Что там еще? Двуглавые, треглавые. Нет, это вроде бы одно и то же. По виду – нерусский, лицо смуглое от природы, нос крючковатый, анализировал местный наблюдательный разведчик. Кавказец. На дагестанца или чеченца не похож. Грузин, осетин, абхазец? Черты лица крупные, в неподвижных глазах застыла коровья тоска. Побрит гладко; однако чернильная густота на щеках и подбородке обещала к утру превратиться в сапожную щетку.

Глядя на смуглолицего, каперанг в последний раз трансформировал прилипшее и немного развлекшее его слово: теракт.

«Хоре!» – оборвал себя Бобров. Иначе посчитают за глупенького. Им же невдомек, отчего улыбается офицер морской разведки.

Настроившись на разговор как на вербовку, Олег Васильевич, бывший подводник (последняя должность на АПРК – командир дивизиона движения), пригласил гостей в кают-компанию базы – святая святых, где офицеры общаются только по именам и ведут этакий светский образ жизни, делают ставки, играют в карты, обсуждают, чего греха таить, слабый пол. Группа «Гранит» базировалась на двухпалубном дебаркадере с парой ниток понтонов, у которых были ошвартованы с десятков моторных ботов и катеров. А плавбазой морского спецназа служило вспомогательное судно (одно из трех, включая катера обеспечения).

Из окон кают-компания, выходящих на рейд, были видны боевые корабли. Утро. Команды заняты приборкой. Легкий бриз доносит из приоткрытого окна переливчатую трель боцманской дудки. Это с «Игривого», угадал Олег Бобров. Боцман «Игривого», на зависть коллегам, имел старинную боцманскую дудку – именно боцманскую, а не офицерскую, с мундштуком, трубкой, шариком с отверстием. Самый популярный сигнал, который нравился всей команде «Игривого», назывался «обеденный», его боцман выводил словно со-

ловей. К дудке и прокуренным желтоватым усам мичмана не хватало трубки с изгрызенным мундштуком. За глаза боцмана называли «Мичман Панин». Сейчас он наверняка поучает матросов: «Запомните: вы не палубу драите, а добиваетесь идеальной чистоты». Это относилось и к гальюнам.

По распоряжению Боброва вестовой принес чаю. Поджидая начальника базы капитана 3 ранга Андрея Кашинского, который по пути на работу отводил внука в детсад, Олег Бобров более внимательно разглядел гостей; ничего не значащие фразы о погоде в столице и здесь, на Каспии («Сами видите: бриз, к обеду заморосит, к вечеру снова распогодится»), не мешали каперангу. Видит он их впервые – это точно, как не вызывает сомнений тот факт, что все трое – офицеры.

Старшему, моложавому и чернобровому, со шрамом на скуле и луженой глоткой (горячий и крепкий, заваренный по-флотски чай глотал, как холодную «Балтику»), на вид было чуть за сорок. Возраст его спутников Бобров определил в двадцать восемь – тридцать. Хотя смуглолицему можно было дать лет на десять больше.

Олег Васильевич ничего не смог почерпнуть из туманного напутствия начштаба Каспийской флотилии Александра Попова. Когда рано утром Бобров явился в штаб, контр-адмирал беседовал с оперативным дежурным флотилии. Увидев через приоткрытую дверь начальника разведотдела, он вышел в коридор. Александра Попова, человека по характеру замкнутого, казалось, окончательно «коротнуло». Ран-

нее утро, отнюдь не жарко, да и в штабе гуляет прохладный сквознячок, а на лбу у начштаба и в глубоких носогубных складках блестят капельки пота. Взгляд обычно с утра бодрого, но резковатого в общении контр-адмирала утомленный. К нему больше всего подходила флотская шутка. «Командир бывает человеком только в одном случае – когда падает за борт».

Глянув на часы, Попов осведомился:

– Ты на машине?

«С бодуна? – попробовал угадать самочувствие шефа Бобров. – Не предложить ли ему «шила»?» – «Шилом» моряки называют спирт.

И ответил:

– Так точно, на машине.

– Тогда поезжай на базу к Тритонычу, – распорядился Попов. – Езжай напрямик, через охранную зону, успеешь. Команду я отдал. Пока ранние гости будут шлепать по пирсам и пристаням, ты уже будешь на месте.

– А что за гости, Александр Петрович? – полюбопытствовал каперанг.

– Представители Комитета Совфеда по госконтролю. Я уже беседовал с ними накоротке. Люди они государевы, так что резких движений не делай. И чтоб без суеты. Одним словом, работай «под клиента», следуй за ними в кильватере. После – ко мне. Жду. Погоди, Олег. Если успеешь, переговори с Тритонычем. Сейчас он на пути в базу.

Справка

Разведывательные управления штабов флотов объединены в единую структуру, известную как разведка флота. Начальник разведки флота является заместителем начальника ГРУ и руководит четырьмя разведывательными управлениями военно-морских штабов, а также флотским космическим разведывательным управлением и информационной службой.

Боброва не смутила фраза «работать под клиента». ВМФ сотрудничал с парламентом в обмен на *«своевременные предупреждения о том, что могло застать моряков врасплох»*. Также парламент держал руку на пульсе бюджета ВМФ, точнее, мог повлиять на него. В какую сторону – все зависело от качества сотрудничества. А что такое бюджет – объяснять не надо. Слабый и нитевидный – его ни одним прибором не определишь.

Это касалось и разведорганов.

Верховный был не слепым, и со слухом у него все в порядке. Тем не менее он закрывал глаза на круговую поруку. Каждый глава государства боится заговора в военных кругах. Россия обжигалась на этом не раз. Но что такое заговор, к

примеру, в личном резерве верховного главнокомандующего (это ВДВ) по сравнению с ВМФ с его эсминцами, атомными подводными ракетными крейсерами и способностью вести боевые действия в любой точке Мирового океана?

Казалось бы, туман должен развеяться, но он стал еще плотней: Бобров не знал главного – что нужно москвичам от штаба флотилии, а точнее – от группы спецназа «Гранит», находящейся в оперативном подчинении разведотдела. Гадать бесполезно, просто не за что зацепиться и хоть как-то дешифровать напутствие контр-адмирала. Не помог и сухой юридический язык. Капитан 1 ранга осуществлял задачи одного из органов внешней разведки: Министерства обороны России...

Справка

Задачами органов внешней разведки являются обеспечения Президента, Федерального собрания и Правительства Российской Федерации разведывательной информацией, необходимой для принятия решений в политической, экономической, оборонной, научно-технической и экологической областях.

Осуществление разведывательной деятельности возложено на:

– Службу внешней разведки Российской Федерации;

- органы разведки Министерства обороны РФ;
- органы разведки ФАПСИ РФ;
- органы разведки ФПС РФ;
- органы ФСБ РФ.

За деятельностью органов внешней разведки установлен *парламентский контроль*, осуществляемый в порядке, предусмотренном законом. Общее руководство, включая контроль и координацию деятельности, органами внешней разведки осуществляет Президент РФ.

Собственно, здесь, на месте, Бобров был обязан информировать представителей федерального органа государственной власти.

Также он мог послать троицу ко всем чертям, учитывая корпоративные интересы военного ведомства, но при этом он быстро потеряет занимаемую им должность – на его место поставят более покладистого. И как, думал Бобров, сориентироваться в этом бесноватом, отчасти порочном замкнутом круге? Зевнешь, и тебя тут же съедят. Органов, способных переварить «пешку» вроде Олега Боброва, хватает.

Вот сейчас комитетчики попьют чайку и примутся за меня, усмехнулся Олег Васильевич.

– Где же начальник базы? – спросил старший, вздергивая рукав пиджака и глядя на роскошные швейцарские часы. Чай, конечно, он выпил первым. Он представился Боброву как Виталий Николаевич Козырин. Неплохая фамилия для

старшего. Равно как и для госчиновника. Осетина звали Аланом, фамилия футбольная – Боциев. «Середнячок» представился начальнику разведотдела Михаилом Никитиным – ничего особенного. Если не считать внешности. Внешность-то ничего, если бы не одна примечательность: под темными бровями он имел пару водянистых, едва ли не прозрачных глаз, смотрящих, казалось, из самой бездны; такая пара «стереотипов» запросто могла подойти наемному убийце.

– Он всегда опаздывает? – снова проявил нетерпение Козырин.

– Да не без этого. Он же начальник, – уточнил Бобров.

На его взгляд, гости были представителями госкомитета – не более того. Скорее отставные или действующие (не суть важно) офицеры спецслужб, они же – помощники депутатов, сенаторов, их консультанты. Таких у каждого сановника десятки, даже за сотню переваливают. Однако особо приближенных, имеющих полномочия самих депутатов, – единицы.

Беспокойные мысли каперанга прервали скрип двери и привычное: «Доброе утро!» начальника базы. Андрей Кашинский, обходя стол и здороваясь с каждым за руку, напомнил президента страны с его фирменным обходом и рукопожатиями. Или подвыпившего Ивана Васильевича из знаменитой комедии: «Царь. Очень приятно. Очень приятно. Царь».

Закончив обход, местный «морской владыка» уселся напротив Виталия Козырина и по левую руку от Боброва. По одной лишь фуражке, которую капитан 3 ранга Кашинский

положил на свободный стул (на стол головные уборы моряки не кладут), в нем можно было угадать подводника: фуражка была без распирающей верх пружины, так что «блин» не имел четкой формы и гляделся куда круче щеголеватых «аэродромов»: по-нахимовски.

Кап-три только с виду казался свойским мужичком: широкая, приветливая улыбка на продолговатом доверительном лице; его карие глаза, казалось, черпали доброту из глубины сердца. Однако за плечами этого «сдобного» мужичка, оставившего свою шевелюру в пятом отсеке подлодки, где он командовал группой управления ракетной боевой частью (БЧ-2), была не одна удачно проведенная диверсионная акция. Навсегда покинув ПЛ, Кашинский прошел двухгодичное обучение в специальном центре ГРУ «Дельфин»⁹, где готовили кадры для конкретных разведывательно-диверсионных мероприятий. Кашинский по прозвищу Тритон, а ныне просто Тритоныч, знал все тонкости диверсионно-подрывной работы.

Так и должно быть. Гораздо хуже, когда с первого взгляда в тебе видят матерого диверсанта. Таких в ведомстве Тритоныча не было. За исключением разве что двух бойцов: Саши Маленького и Саши Большого. По габаритам они не различались – оба под два метра, весом под центнер. Просто имена у них были одинаковыми. Александр Даев – Саша Большой – в свое время выступал за местный спортклуб ВМФ по

⁹ Центр ГРУ «Дельфин» до 1992 года находился на озере Балхаш в Казахстане.

водному полу.

– Андрей Михайлович, – приступил к делу Козырин, – директивой председателя Совета Федерации России вы переходите в наше распоряжение.

– Он, я помню, по специальности геолог, – невозмутимо отозвался Кашинский, словно готовился к разговору. Он вытер лысую голову носовым платком. Вообще, он любил пошутить над своей «прической»: мол, это не что иное, как «закономерность соотношения длины ороговевшего эпидермиса и количества серого вещества в черепной коробке».

Выдержав короткую паузу, Кашинский продолжил в том же тоне:

– Наверное, спикера Совфеда ввело в заблуждение название подразделения боевых пловцов – «Гранит». А в СВР он не пробовал обращаться? У них там одно подразделение называется «Базальтом». Уж не вспомню, есть ли «Полевой шпат».

– Не надо язвить, – по привычке сощурился Виталий и провел рукой по гладкому подбородку. – Лучше вспомните одну из своих главных задач: обеспечение президента, Федерального собрания и правительства России разведывательной информацией, необходимой для решений, в частности, в политической и оборонной областях.

– Это общие задачи, – ничуть не смутился Тритоныч, – задачи ведомства, на которое я работаю. Я же решаю конкретные вопросы: получаю приказы от руководства и приступаю

к работе.

Улыбка у Виталия Козырина была не из приятных. Его тонкие губы словно удлиннились, вытянувшись в горизонтальную полосу, глаза с прищуром сузились; отдаленно он напоминал американского актера Джона Траволту.

– Меня предупреждали о вашем упрямстве. – Козырин больше обращался к своим молчаливым товарищам, нежели к начальнику базы. Перед собой Виталий поставил конкретную задачу: вывести из игры строптивного и наиболее искусного в диверсионных делах начбазы; он, по общему мнению, был стариком несговорчивым. – Хочу вас поправить, Андрей Михайлович: конкретные задачи выполняет команда боевых пловцов под началом капитан-лейтенанта Якова Моравца. А вы – начальник базы, администратор, баталер¹⁰ по большому счету. Однако никак не расстанетесь с мыслью, что вас фактически списали на берег, убрали с боевой вахты. Сколько вам – пятьдесят два или пятьдесят три? – Виталий открыл тонкую папочку, что-то подсмотрел в ней и снова закрыл медленным, ленивым движением. – А вы до сих пор суετε свой нос в дела, которые вас давно не касаются. Следите-ка лучше за снаряжением бойцов, за состоянием причальных канатов и швабр.

Словесную пощечину, отпущенную начбазы, посчитал справедливой даже Бобров. Он это заметил – как офицер морской разведки. По-человечески он сочувствовал Трито-

¹⁰ Кладовщик.

нычу, понимал его: опыт старого боевого пловца был, можно сказать, незаменимым. Для спецназовцев «Гранита» он был наставником. Списанным ли, со стороны ли – не суть важно. И впервые за эти долгие годы, что он руководит базой, оставаясь в звании капитана 3 ранга и не надеясь, конечно же, на пару кавторанговых звезд, ему указали его место. Администратор, завхоз, баталер, отдавший свои лучшие годы пятому отсеку подлодки и нелегкой профессии боевого пловца.

Сейчас ему нечего возразить, думал за Тритоныча каперанг Бобров, тем более перед этой троицей, чьи полномочия, конечно же, подтверждены на самом высоком уровне; не мог не чувствовать, что кто-то «наверху» вымыл руки и грязной струей поливал лысую голову бывалого капитана. Его былая гордость была сломлена людьми, которые представляли чью-то сомнительную, с одной стороны, а с другой – реальную власть. Бобров даже представил себе слегка заикающийся голос «геолога»: «Вы там п-построже с этим м-морским разбойником».

Что стоит за визитом этой тройки? Какие цели преследует Комитет по госконтролю, и каким боком они соприкасаются с секретным спецподразделением ГРУ, дислоцированным на базе КВФ? Бобров привел слабенькую аналогию: «А почему охраной президента США занимается Министерство финансов? Почему Минфин отвечает за безопасность главы государства?»

– Если нетрудно, пригласите сюда командира подразделения, – как ни в чем не бывало мягким голосом попросил Козырин.

Может быть, Кашинский понял, что его судьба, работа – уже без прежнего энтузиазма и азарта – находится в руках этого импозантного человека. Как у каждого, у Тритоныча было слабое место, и Козырин, зная о нем, нанес короткий и хлесткий удар.

Контроль на государственном уровне... Даже вневедомственный контроль мог поставить крест на работе Кашинского; его карьера давно закончилась, он бился лишь о внешние ее стенки.

«Держать, держать удар!» – мысленно семафорил ему Бобров. «Я беременна – это временно». Умчится эта тройка, и все рассосется.

Кап-три встал и слегка наклонился вперед. «Зря я про удар просемафорил, – покачал головой Олег. – Как бы начебы паралич не хватил. Шея у него короткая. Предрасположен», – отрывисто закончил Бобров.

А на лицо Тритоныча вернулись жизненные краски. Он снова улыбался, как пять минут назад, часто помаргивая редкими белесыми ресницами. И голос его не изменился:

– Сейчас позову. Я вам больше не нужен? – кап-три надел фуражку, аккуратно поставил стулья на место, вровень с пустующими, придвинутыми к столу. Что-что, а порядок он любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.